

Р. СМИТ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению «Психология»
и психологическим специальностям*

Москва
Издательский центр «Академия»
2008

УДК 93/99:159.9(075.8)

ББК 88.1я73

С509

Рецензенты:

доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН *А. В. Юревич*;
доктор психологических наук, зав. кафедрой психологии и педагогической антропологии Московского лингвистического университета, профессор, академик РАО *Н. Н. Нечаев*;
кандидат психологических наук, доцент факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова *В. В. Умрихин*

Смит Р.

С509 История психологии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. Смит ; пер. с англ. А. Р. Дзкуя, К. О. Россиянова; науч. ред. И. Е. Сироткина. — М. : Издательский центр «Академия», 2008. — 416 с.

ISBN 978-5-7695-3816-2

В учебном пособии изложена история представлений о человеке и его природе, начиная с эпохи Просвещения и до конца XX в. Книга посвящена попыткам человека понять, каково его место в мире, и осмыслить свою жизнь и поступки. Особое внимание уделено связи идей с социальным и интеллектуальным контекстом, в котором они возникли и воспринимались. Развитие психологии показано в связи с важнейшими историческими темами, такими как наступление эпохи модернизма, влияние на западную мысль колониализма, создание национальных государств, отношения между юриспруденцией и понятием личности, возникновение языка для описания внутреннего мира человека.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности психология, а также практикующих психологов и педагогов, социальных работников.

УДК 93/99:159.9(075.8)

ББК 88.1я73

Оригинал-макет данного издания является собственностью Издательского центра «Академия», и его воспроизведение любым способом без согласия правообладателя запрещается

© Правообладатель Сироткина И. Е., 2008

© Издание на русском языке. Издательский центр «Академия», 2008

© Сироткина И. Е., предисловие, 2008

© Оформление. Издательский центр «Академия», 2008

ISBN 978-5-7695-3816-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие научного редактора	3
Глава 1. Исторический контекст	5
1.1. Что такое история психологии	5
1.2. Далекое прошлое	8
1.3. Декарт и два подхода к психологии	15
1.4. XVIII век: значение Джона Локка	19
1.5. XVIII век: широкая перспектива	22
1.6. На пути в XIX век	28
Глава 2. XIX век: новые подходы к проблеме природы человека	33
2.1. Общественный и университетский контекст	33
2.2. Идея человеческой предыстории	39
2.3. Различия между людьми	43
2.4. Этнология и расы	46
2.5. Физиология и наука о психике	55
Глава 3. Эволюция человека	68
3.1. Место человека в природе	68
3.2. Происхождение человека	74
3.3. Герберт Спенсер и психология	84
3.4. Функциональное объяснение	89
Глава 4. Отрасли академической психологии	95
4.1. Разные истоки	95
4.2. Вильгельм Вундт и экспериментальная психология	105
4.3. Психология в Германии	113
4.4. Психология в США	121
Глава 5. Психологическое общество	131
5.1. Психология в XX столетии	131
5.2. Индивидуальные различия и статистический анализ	135
5.3. Образование и тесты интеллекта	144
5.4. Личность	154
5.5. Психология труда	161
5.6. Психология ребенка	170
5.7. Природа и воспитание	180
Глава 6. В поисках объективной науки	190
6.1. Статус психологии как естественной науки	190
6.2. И. П. Павлов и «высшая нервная деятельность»	197
6.3. Бихевиоризм. Джон Уотсон	203

6.4. Научный метод и необихевиоризм	211
6.5. Парапсихология	223
6.6. Гештальтпсихология	230
6.7. Феноменологическая психология	237
Глава 7. Бессознательное: разум и безумие	246
7.1. Внутренние конфликты Просвещения	246
7.2. Фрейд и ранний психоанализ	252
7.3. <i>Оно, Я</i> и психоаналитики	265
7.6. Карл Густав Юнг и коллективное бессознательное	278
Глава 8. Индивидуальное и социальное	288
8.1. Личность и толпа	288
8.2. Инстинкты и групповая психология	296
8.3. Социальная психология как психологическая дисциплина в США	304
8.4. Управление персоналом	315
8.5. Советская психология	321
Глава 9. Движение к современности	335
9.1. Стремление к единству и поведенческие науки	335
9.2. Между биологией и культурой	339
9.3. Науки о мозге	350
9.4. Философия сознания	357
9.5. Когнитивная психология	364
9.6. Гуманистическая психология	373
9.7. Актуальные проблемы психологии	382
Список литературы	394

Книгу, которую Вы держите в руках, написал британский историк науки Роджер Смит. Это — переработанная специально для российского читателя часть его грандиозного труда «История наук о человеке» (History of the Human Sciences), вышедшего в 1997 г. одновременно в Англии и США (он также переведен на итальянский язык) и по достоинству оцененного зарубежными читателями.

Настоящее издание предназначено, главным образом, психологам и изучающим психологию, так как в нем автор фокусирует внимание на истории именно этой науки. Но книга будет интересна и представителям других гуманитарных дисциплин, а также всем тем, кто пытается понять феномен человека, который, несмотря на то что является существом природным, благодаря культуре и языку выделяется из мира природы.

Психология возникла и существует на стыке естественно-научного и гуманитарного подходов как наука, пытающаяся примирить эту двойную идентичность человека. Размышляя об истории этой дисциплины, автор не только излагает множество интересных сведений, но и решает масштабную теоретическую задачу — выстроить мост между естественно-научным и гуманитарным знаниями.

Главное внимание в книге уделено возникновению и развитию (в XIX и XX вв.) научной психологии. В ней рассказывается о борьбе за объективное исследование психики; об отстаивании психологией своего суверенитета по отношению к другим наукам, в частности физиологии; ассимиляции ею категорий поведения, бессознательного, гештальта; формировании психологических теорий внутри феноменологии и философии экзистенциализма и т.п.

Перед тем как перейти к современному этапу, автор вкратце рассматривает предысторию научной психологии, характеризуя развитие представлений о душе, психике и мозге от Античности до Нового времени. Отдельные главы посвящены эволюционным идеям и их значению для психологии, зарождению представлений об индивидуальных различиях и личности, освоению психологией категории социального. Одним из первых в истории психологии автор затрагивает актуальный вопрос о возникновении этой дисциплины из управленческих практик и о том вкладе, ко-

торый психология вносит в социальные технологии. Он пишет и о становлении «психологического общества», в котором не только специалисты, но и самые обычные люди воспринимают себя и других через призму психологии, а психологи-эксперты и практики играют все более зримую роль во всех областях человеческой жизни.

Книга исключительно широка по охвату материала и содержит огромное количество исторических сведений. В числе прочих в ней рассматриваются вопросы о том, как ставилась и решалась психофизическая проблема начиная с Декарта и заканчивая современными нейронауками; о разных моделях психологии — европейской, американской, советской; о незавершенной дискуссии по поводу роли природного и социального в формировании психики; о сложных отношениях между официальной наукой и парапсихологией. Но ценность ее не только в богатстве изложенного материала. Несмотря на то что автор воздаст должное всем тем философам и психологам — от Локка до Мерло-Понти, — которые повлияли на наше представление о человеке, его книга не превращается в скучное перечисление имен.

Не становится она и перечнем теорий, который студенты заучивают накануне экзамена и который потом легко исчезает из памяти. Напротив, изложение психологических концепций автор сопровождает рассказом об общественных и интеллектуальных условиях их возникновения — о практиках общественного и государственного управления, походах колонизаторов и расовой политике, о появлении университетов нового типа в Германии XIX в. или о том, как в XX в. психологические представления проникли в повседневную жизнь. Помещенные в конкретный исторический контекст, теоретические взгляды предстают перед нами в новом свете, а история психологии из нагромождения имен, фактов и эпизодов превращается в целостное полотно, где каждая деталь имеет свое место и значение.

Хотя книга представляет собой связное повествование, каждый из ее разделов может быть использован независимо от других, и поэтому она с успехом может служить учебным пособием. Особенно полезна она будет преподавателям, которые в одном томе получают огромный свод знаний по истории психологии и смежных наук. От стандартных учебников по истории психологии труд Роджера Смита выгодно отличается своим ярким и свободным стилем, продуманностью формулировок, неожиданными ассоциациями и личностным отношением к описываемому. Автор последовательно отвечает на вопрос о том, как возникла психология и как она продвигалась по сложному и извилистому пути, ведущему к научному осмыслению человека.

Ирина Сироткина

Глава 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Мы *формируем* порядок, *отсекая* неупорядоченные части; мир понимается нами по аналогии с лесом или мраморной глыбой, которые мы можем превратить в парк или статую, удалив в одном случае ненужные деревья, в другом — куски мрамора.

Уильям Джеймс. «Типы философского мышления» (1895)¹

1.1. ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Психология — само собою разумеющийся атрибут современной человеческой жизни. И это верно в двух отношениях: в обычной речи мы говорим о своей или чужой психологии, имея при этом в виду внутреннее состояние человека, конкретную жизненную ситуацию или образ его действий; мы также называем психологией целый ряд академических дисциплин и практических профессий. И то, и другое представляется сегодня естественным. Ведь это и вправду кажется очевидным: если мы хотим понимать того или иного человека, мы должны понимать психологию. Однако так было далеко не всегда. Многие из того, что мы называем психологией, имеет весьма недавнее происхождение.

История психологии повествует о том, почему и как знания человека о себе, а также попытки помогать другим людям и управлять ими приняты в западной культуре последних двух столетий форму психологии. Разумеется, это происходило в определенном историческом контексте, беглый очерк которого будет дан в настоящей главе. Но важно иметь в виду: психология возникла на Западе относительно недавно. Психология — один из тех видов деятельности, благодаря которым западная культура приобрела свою специфику; воздействие психологии сказывается, в частности, в том огромном значении, которое эта культура придает спо-

¹ Цит. по: *Myers G. E. William James: His Life and Thought.* — New Haven: Yale University Press, 1986.

собностям, жизненному опыту, чувствам и поступкам отдельных индивидов.

Тому, что значительная часть истории психологии относится к недавнему прошлому, психологи дают зачастую очень простое объяснение. Только недавно, говорят они, а именно в конце XIX в., психология стала наукой. Для этих психологов история психологии есть история становления ее как науки. Но если мы решимся взглянуть на психологию более пристально, то нам будет трудно удовлетвориться столь простым объяснением. Тому есть три причины.

Во-первых, изучая психологию, мы изучаем самих себя: *мы делаем себя — субъектов психологической активности — объектами психологического исследования*. Сближая психологию с областью фундаментальных философских вопросов, мы создаем особую проблему для психологии как науки. Как могут люди обладать объективным знанием о себе? По-видимому, располагать объективным знанием намного легче, когда речь идет о звездах или растениях, а не о собственном субъективном сознании. В прошлом уже неоднократно предпринимались самые разные попытки сделать психологию наукой.

Во-вторых, *психология сейчас, как и ранее, — неотъемлемая часть повседневной жизни общества*; мы используем ее для организации наших отношений с другими людьми. Поэтому она — не только отрасль научного знания. А исторически сложилось так, что отношения между так называемой научной и так называемой житейской психологией никогда не отличались определенностью. История психологии — не только история психологии как науки в узком понимании слова.

В-третьих, — и это тоже исторический и социальный факт — *психологии как единой дисциплины не существует*. Мы встречаемся с огромным разнообразием различных видов деятельности, связанных и с научными исследованиями, и с практической жизнью; все они, тем не менее, называются психологией. «Психология» — это собирательное понятие, которое невозможно свести к чему-то одному. Для точности следовало бы говорить о *психологиях* во множественном числе.

Этими тремя причинами и объясняется, почему прошлое психологии не может быть изложено в виде простой истории. У нее нет ни определенного начального момента во времени, ни героя-основоположника, ни единой линии развития. Мы не можем указать: «Вот здесь, в этот момент психология превратилась в науку!» Мнения расходятся и по поводу того, что представляет собой психология как наука, — более того, есть различные психологии. Обращаясь к истории всего того, что называют психологией, мы вынуждены рассказывать разные истории в зависимости от того, какой из видов психологии нас интересует. Это ясно любому, кто

захочет прочесть истории психологии, написанные в разных странах. В силу различных традиций как в духовной, так и в практической сфере, эти истории отличаются друг от друга. Но это не создает «проблемы», а, напротив, делает историю психологии чрезвычайно интересной. Из разных историй мы можем делать различные выводы, сравнивать их и спорить. Историки психологии заняты не скучными фактами, а живыми дискуссиями — спорами о том, какого рода знание можно получить о людях, в том числе о нас самих.

Таковы общие тезисы. Но о чем же эта конкретная книга? Она — о тех разнообразных формах, которые психология принимала и как научное исследование, и как практическая деятельность. В ней будет прослежена связь различных форм психологии с обществом, представлена история разных контекстов, в которых эти психологии существовали. Контекстом является локальный мир — мир социальных институтов, людей, культурных обычаев, языка и т.п., — благодаря которому становится осмысленным и важным думать и поступать определенным, а не каким-либо иным, образом. Контексты подвержены историческим изменениям и варьируют от одного к другому. Поэтому у историка есть в распоряжении то, чего нет у психолога, — *общая картина различных видов психологии, существующих в различных контекстах*. А это позволяет по-новому увидеть как настоящее, так и прошлое.

Основное внимание в этой книге уделяется истории последних двух столетий, начиная с эпохи Французской революции и ранней стадии английской промышленной революции и заканчивая сегодняшним днем. Англоязычные авторы называют этот период современностью (*modernity*). Мы занимаемся, следовательно, вопросом о месте различных психологий в современную эпоху. На протяжении этого периода естественные и общественные науки существовали в качестве университетских дисциплин, в известной мере подобных нынешним. В XX в. к их числу добавилась психология. Кроме того, уже двести лет назад людям были известны промышленность, торговля, городская жизнь, национальные государства, сходные с существующими в настоящее время. Каким же образом происходило развитие психологий и их превращение в научную дисциплину? И как они связаны с широкой социальной действительностью?

Богатая интеллектуальная жизнь, в которой важное место занимали представления о природе человека и его поведении, существовала, разумеется, и до начала XIX в.; подобные представления присутствовали во всех культурах и в самых разных частях света. Многие авторы предпочитают вести отсчет истории психологии от Аристотеля, и мы также дадим беглый набросок этого раннего периода. Но главное содержание книги составляет исто-

рия тех времен, когда уже появились виды деятельности под названием «психология». Так где и когда берут начало идеи и практики современной психологии?

1.2. ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

Ссылки на Древнюю Грецию, с которых начинается большинство книг по истории психологии, выполняют символическую функцию, позволяя утверждать: как и все ценное, что имеется в западной науке и теоретической мысли, современная психология берет начало в мудрости древних.

Сохраняя верность историческим фактам, следует признать, что ни **Платон (427 — 347 до н. э.)**, ни Аристотель не использовали термин «психология», не выделяли ее в качестве самостоятельной отрасли знания, не упоминали и о таких вещах, как разум, сознание и поведение в том смысле, в каком понимаем их мы. О чем они действительно говорили, так это о *псюхэ* — понятии, которое очень трудно объяснить в современных терминах. Греческое слово «псюхэ» означало принципы или источники деятельности, которые делают то или иное существо живым, что невозможно перевести современными словами «душа», «дух» или «разум». Платон, тем не менее, в своих сочинениях действительно упоминает некую сущность, которую мы могли бы обозначить как «душу», некое духовное начало. Обладая материальной природой, человеческие существа, по убеждению Платона, отрезаны от мира совершенства, блага и истины; но в то же время у людей есть душа, которая стремится (по крайней мере, у избранных) воссоединиться с миром совершенства. Согласно платоновскому «Федру», человеческое существо подобно возничему, у которого в упряжке бегут две лошади: одна прекрасная и благородная, другая — во всем противоположная первой; возничему приходится все время обуздывать вторую, дикую лошадь, чтобы она могла бежать вместе с первой, наделенной благородной природой. При этом Платон писал о «возничем» как существе мужского рода, поскольку не верил, что женщина способна быть возницей или вообще чем-либо управлять.

Наблюдения над окружающим природным миром, а также над человеческими существами как частью этого мира интересовали **Аристотеля (384 — 322 до н. э.)** больше, чем Платона. То, что он в этом мире увидел, представляло собой иерархию вещей, «великую цепь бытия», протянувшуюся от камней и минералов к растениям и животным, далее — к человеческим существам, и, наконец, теряющуюся в совершенном царстве небесном. У каждой вещи в этом мире есть естественное место: она занимает это место согласно своей природе, особой *форме*, которая делает эту вещь

тем, что она есть, а не чем-то иным. Эти «природы», или «формы», которые и составляют «псюхэ» людей и животных, можно анализировать в терминах различных *способностей*, или *видов души*. Согласно Аристотелю, существующие в этом мире виды душ упорядочены в иерархию. Растения обладают растительной душой, которая позволяет им обмениваться веществом с окружающей средой и расти, животным же присуща как растительная, так и животная душа, отзывающаяся на ощущения и обуславливающая движения. У человека кроме растительной и животной души, есть способности, позволяющие рассуждать и обладать знанием. Эти способности действуют через посредство тела и всех его частей; так, деятельность чувств особым образом связана с сердцем — мы до сих пор говорим о ком-то, что у него «горячее сердце». Согласно пониманию Аристотеля, способность — это жизненное начало, а не психическая сущность. Тем не менее душа, отличающая человека от животного, подразделялась Аристотелем на две части — низшую, связанную с миром благодаря ощущениям, чувствам и действию воли, и высшую интеллектуальную душу, которая полностью рациональна. Его рассуждения о том, каким образом обе части — активность чувств и чистый разум — связаны друг с другом, и как в этом взаимодействии возникает знание, были чрезвычайно туманны, и много столетий спустя это вызвало дискуссию о том, что следует называть ментальной, т. е. умственной, или психической, деятельностью. Как абстрактное мышление (в частности, счет в арифметике) связано с восприятием конкретных вещей (например, имеющихся перед глазами нескольких яблок)? В небольшом сочинении, переведенном на латынь и в Средние века известном под названием «О душе» (*De anima*), Аристотель обсуждает вопрос, что связывает ощущения, с одной стороны, и мысли — с другой. В период позднего Средневековья и Возрождения для европейского ученого очень важно было правильно понимать сказанное Аристотелем, а затем и использовать его в собственных построениях. Поставленный Аристотелем вопрос о том, как возможно извлекать знание из опыта, остается актуальным и для нас.

Завоевав Грецию, Рим воспринял и адаптировал значительную часть греческой пантеистической культуры, равно как и идеи греков о человеческой природе. Среди заимствованного были и многочисленные сочинения о физической жизни в состояниях здоровья и болезни, о душе, а также о связи здоровья или болезни с характером человека. Работавшему в Александрии и Египте и прославившемуся по всей Римской империи врачу **Галену (129 — ок. 200)** принадлежит большое число сочинений, сохранявших свое влияние на протяжении последующих пятнадцати столетий. В своем подходе к здоровью и болезни он многое позаимствовал у значительно более древней греческой (гиппократовой) медици-

ны, исходившей из принципа: здоровье и благополучие человека зависят от баланса *жизненных влаг*, или *соков* (лат. humores). Каждому из жизненных соков соответствовала особая телесная субстанция и особая черта характера.

Жизненный сок	Телесная субстанция	Преобладающий темперамент
горячий и влажный	кровь	сангвинический
горячий и сухой	желтая желчь	холерический
холодный и сухой	черная желчь	меланхолический
холодный и влажный	флегма	флегматический

Удивительно, но данный способ рассуждения не привел Галена, в отличие от многих ученых более позднего времени, к разделению природы человека на физическую и ментальную. Напротив, поддержание телесного здоровья, а также настроение, характер, образ действий, — все это было описано в качестве различных аспектов единой, целостной личности. Следы этой *гуморальной медицины* можно было заметить еще сравнительно недавно: достаточно вспомнить, например, об использовании пиявок для удаления из организма излишней крови и снятия избыточного возбуждения (в частности, при лихорадке). А в нашем языке следы эти присутствуют до сих пор: мы называем одного «хладнокровным», о другом говорим, что у него «горячая кровь».

Для ранних христиан знание о жизни человека в земном мире отошло на задний план; их интересовала, прежде всего, драматическая подготовка человека к переходу в мир иной и ко второму пришествию Христа. Для них значение имела *бессмертная душа, которую рассматривали как принцип, трансцендентный природе*, т. е. лежащий вне ее, а не как действующее начало, укорененное в самой природе. Платоновские идеи о душе, о стремлении благородного духа покинуть этот мир и воссоединиться с совершенным миром вновь стали привлекательными и в итоге вошли в *христианский мистицизм*. Древнегреческие сочинения сохранялись и переписывались в Константинополе, несмотря на то, что к V в. философия в Византии уже впала в известного рода немилость. Традиция видеть источник знания в разуме нашла себе пристанище в арабском мире после возникновения и распространения там ислама.

Вслед за падением Римской империи в V в. западно-христианская церковь оказалась оторванной от греческих текстов, и даже владение греческим языком стало редкостью. Однако еще до того, как это произошло, **Блаженный Августин (354 — 430)** создал впечатляющую картину человеческой природы как одновременно

божественной и «падшей» — представление, получившее в дальнейшем огромное влияние. По Августину, в результате грехопадения Адама и Евы личность человека оказалась расколотой на две половины и страдает от внутреннего раздора. А значит, все человеческие надежды связаны с милостью Божьей, с искупительной жертвой Христа — Его посланника. Подобная сосредоточенность на состоянии души (которая понималась как некая сущность, а не как аристотелевское жизненное начало), а также практика исповеди и молитвы как своеобразного вопрошания души, породили в последующие столетия те способы размышления о субъективном мире отдельных людей, которых в дальнейшем будут поддерживать и психологи.

На Востоке же местом углубленного изучения греческих текстов через несколько столетий стали арабские центры учености, возникавшие под сенью ислама от Багдада до Кордовы. Философы и врачи — особым влиянием пользовался среди них **Ибн-Сина (на Западе известный как Авиценна, 980 — 1037)** — следовали греческой традиции, в соответствии с которой систематическое знание о человеческой природе обновлялось на умозаключениях, выводимых из чувственного опыта. В поэзии, а также в ученых и медицинских трактатах говорилось о посюстороннем: переживаниях любви, химии человеческого тела, органах восприятия, индивидуальных различиях характеров, типах болезней. Благодаря контактам с культурой ислама, начиная примерно с 1100 г., Запад стал открывать заново богатства древнегреческих текстов, в особенности Аристотеля.

Относительная политическая стабильность и распространение торговли привели в XI—XII вв. к увеличению благосостояния и к подъему культурной жизни в той части Европы, что простирается от южной оконечности Италии и Испании до Англии. Были построены величественные соборы; тогда же были основаны и первые заслуживающие этого названия европейские университеты (в Болонье, Париже, Салерно, Монпелье и Оксфорде); исходной моделью для них послужили монастыри, а также исламские академии. Великие теоретики религиозной мысли, наиболее значительным из которых был **Св. Фома Аквинский (ок. 1225 — 1274)**, считали, что необходимо и возможно сделать заново истолкованную античную философию рациональным основанием христианской веры. Поскольку разум дан человеку Богом, то, полагали мыслители, правильно используя разум, человек должен получить подтверждение истин, открывшихся ему в вере. Данный ход мысли был очень важен: следуя ему, ученые пришли к заключению, что мы можем понять, как действительно устроен и функционирует мир и живущие в нем люди, исходя из опыта. Эта идея составила интеллектуальный фундамент современной науки. Основываясь на достижениях античной мысли, средневековые исламские

и христианские теоретики доказывали: и в природном, и в человеческом мире есть порядок — порядок, основанный на Богом данных естественных законах и доступный человеческому познанию. Людям под силу установить, полагали они, в чем эти законы заключаются, понять их и действовать в соответствии с ними. В XVII—XVIII вв. этот тезис будет выступать уже в качестве важного аргумента в пользу того, что прогресс достижим благодаря человеческим действиям и разуму, а не одной только Божьей помощи. Это и стало программой Френсиса Бэкона (Francis Bacon, 1561—1626) — применять опыт для улучшения положения человека, выражаясь языком XVII в.

При использовании трудов Аристотеля Фома Аквинский и другие средневековые христиане столкнулись с серьезной проблемой. Живший до Христа Аристотель в своем стремлении понять естественный порядок вещей опирался на разум и ничего не писал о том, что природа — творение Бога. В частности, рассуждая о человеческой «псюхэ», он говорил о ней как о «форме» живого, а не как о бессмертной сущности, которой душа являлась для христиан. Чтобы сделать Аристотеля приемлемым для западной церкви, это следовало исправить. В результате получило распространение предствление о душе как о предмете, пусть даже бессмертном, составляющем суть личности. Средневековые схоласты приписывали этой сущности различные способности — память, воображение, ощущение, — а некоторые даже связывали их с различными частями мозга.

В результате примерно к 1250 г. был заложен фундамент для традиции познания, обосновавшейся в университетах и продолженной современной наукой, — познания законов природы, в том числе природы человека. В состав тогдашних университетов входили три факультета: медицинский, юридический и факультет «царицы наук» — теологии. Кроме того, были и подготовительные курсы, на которых студенты изучали грамматику, диалектику (или логику) и риторику, а также более специальные предметы: арифметику, геометрию, музыку и астрономию. Никаких разграничений между дисциплинами, которые бы соответствовали современному делению на естественные и общественные науки, не было. Обычной практикой для студентов, еще не поступивших на высшие, специализированные факультеты, было изучение труда Аристотеля «De anima»; тем самым они приучались думать и рассуждать на психологические темы, как сказали бы мы сейчас, т. е. о способностях души, как говорили в то время. На труд Аристотеля было создано множество комментариев, которые использовались в качестве учебников; при этом комментаторы не скрывали, что с этим трудом связан ряд интеллектуальных проблем и, возможно, даже противоречий. Так, Аристотель писал, что при взгляде на предмет в глаз наблюдателя про-

никает нечто из этого предмета. Под этим «нечто» он понимал не физическую часть предмета, а, скорее, присущую ему «форму». Но как именно «форма» оказывает воздействие на глаз? Более того, как происходящее в глазу может вызвать изменение в душе, называемое ощущением или восприятием? Все это были исключительно сложные проблемы, но именно они стали в эпоху Ренессанса отправной точкой для появления ряда сочинений — сначала в виде рукописных трактатов, а затем и отпечатанных в типографии книг, — посвященных душе и ее функционированию в *природном* мире. В конце XVI в. (т. е. в десятилетия, предшествовавшие 1600 г.) у нескольких авторов эта область исследований выступает под именем *psychologia*. Но самые важные проблемы были по-прежнему связаны с вопросом о бессмертии души; в контексте Реформации, расколовшей западное христианство на католическую и протестантскую ветви, теологические диспуты брали верх над познавательными интересами.

В периоды позднего Средневековья и Ренессанса красота природного мира и богатство присущих ему деталей стали предметом возрастающего интереса и восхищения. Об этом можно судить по отделке храмов, иллюстрациям в рукописных книгах, развитию перспективы в живописи. Этот интерес проявился и в путешествиях европейцев в другие части света, в новой привычке к коллекционированию, в создании первых музеев, наконец, в появлении множества научных наблюдений. Так, наряду с эпохальными исследованиями движения планет, астроном Иоганн Кеплер (Johannes Kepler, 1571 — 1630) оставил после себя детальное описание того, как свет от предметов создает, попадая в глаз, перевернутое изображение на сетчатке. Но как этот образ воспринимается душой, и при этом не в перевернутом, а в правильном положении, Кеплер сказать не мог. Многие авторы развивали древнегреческие представления о жизненных соках, посвящая свои сочинения таким темам, как индивидуальные характеры, различия между мужчиной и женщиной, контроль над страстями, способность ораторского искусства побуждать к действию и т. д. Всеобщий интерес вызывали **физиогномика** — установление черт характера по лицу — и **астрология**, искавшая связи между характером и действиями человека, с одной стороны, и космическими силами — с другой. Обе они исходили из аналогии между макрокосмом, или универсумом, и микрокосмом, или человеческим существом, — аналогии, которая получила отражение в известном рисунке человеческой фигуры, заключенной в круг (наиболее знаменитый принадлежит Леонардо да Винчи): вытянутые руки и ноги человека касаются окружности, символизирующей мироздание. Подобными ходами мысли изобилуют пьесы Шекспира, и это лишний раз доказывает, что для описания свойств человеческой природы уже существовал общий язык, который понимали

не только образованные люди и актеры, но и простолюдины: наделенные избытком горячей крови холерики безумствуют, а отягощенные излишним количеством черной желчи меланхолики погружаются в отчаяние; холодная, влажная матка делает ум женщин медлительным и неповоротливым и т. д.

Ренессанс, начало которого в Италии относят примерно к 1350 г., равно как и период, который у историков получил название раннего Нового времени (приблизительно с 1550 до 1700 гг.), были отмечены быстрыми изменениями. Париж, Лондон и Неаполь превратились в настоящие города. Во Франции, Англии и Швеции правившие там короли и королевы попытались создать централизованные национальные государства — пример, которому последовал затем Петр I в России. Путешествия европейцев в другие страны, особенно в Южную и Северную Америку, привели к трансформации их представлений о человеке. А исследования в астрономии и изучение законов движения в период, границы которого отмечены появлением основополагающих трудов Коперника (1543) и Ньютона (1687), заслужили название научной революции: новая наука пришла на смену старым представлениям о физическом мире. Когда на всеобщее обозрение были выставлены привезенные в Европу американские туземцы, так называемые индейцы, европейцы были поражены. Перед ними предстали люди, у которых не было, как полагали, ни одежды, ни денег, ни собственности, ни даже понятия о христианском Боге. Означало ли это, что человеческая природа не одна и та же, а их много? Какое место людям, не имеющим представления о Христе, отведено в Божьем мире? Не предназначила ли сама природа некоторым людям быть рабами?

В этот период увеличилось число университетов, особенно во владениях Священной Римской империи, простиравшихся по всей Центральной Европе. Покровительство, оказываемое науке со стороны двора, будь то двор Рудольфа I в Праге или Елизаветы I в Англии, а также богатыми коммерсантами в таких городах, как Венеция, Амстердам, Аугсбург, способствовало интенсивной интеллектуальной жизни и развитию богатой художественной культуры. Это подразумевало и большой интерес к использованию знаний на практике — в обучении, в управлении людьми с помощью риторики и знаний о человеческой природе, в юриспруденции и политической мысли, в медицине, в новых технологиях книгопечатания, картографии, межевания земель, ведения бухгалтерии. В это же время появились и новые направления философской мысли, в которых, похоже, природа человека была во многом переосмыслена. Порывая, по мнению многих более поздних исследователей, с античной мыслью, эти философские направления открывали путь к возникновению научной психологии.

1.3. ДЕКАРТ И ДВА ПОДХОДА К ПСИХОЛОГИИ

Никто из тех, с кем связывают начало новой эпохи в истории европейской мысли, не пользуется большей известностью, чем **Рене Декарт (René Descartes, 1596 — 1650)**. Исследования историков показали, тем не менее, что связь воззрений Декарта со средневековой философией была намного более тесной, чем признавал он сам и его последователи. Как бы то ни было, изучение трудов Декарта остается средством оценки того, в какой степени знание, возникшее за последние несколько столетий, отличается от существовавшего ранее, и насколько далеко продвинулось за это время исследование самого разума. Декарт был типичным интеллектуалом первой половины XVII в. Как и другие, он опасался, что разрушение прочно укорененных верований и убеждений уже привело к опасному скептицизму в отношении к знанию. Это может показаться нам знакомым: в эпоху резких перемен люди настойчиво ищут источник абсолютной определенности и уверенности. *Декарт искал новые определенные и точные основания для всего того, что мы можем знать о мире*; важно отметить, что образцом точности и определенности для него была математика. Осталось, однако, неясным, возможно ли изучать человека с той степенью точности, какая присутствует в математических доказательствах, поэтому неудивительно, что философия Декарта, вместо того чтобы стать новым синтезом знаний, породила новые споры.

Декарт вел жизнь независимого исследователя, и большая ее часть прошла в «Нижних странах» (нынешних Нидерландах и северной Бельгии), где он мог публиковать свои труды без тех притеснений, которым подвергались свободомыслящие люди в его родной Франции. Стремясь найти основания точному знанию, Декарт пришел к выводу, что познание бывает трех видов: познание Бога, материи и разума. Природный мир, в том числе животные и растения, состоит, как полагал Декарт, исключительно из материи, представляющей собой *протяженную субстанцию* в движении. Отметим, что в соответствии с этим представлением о природе все в ней определяется пространственными величинами и движением материи, а значит подлежит измерению и вычислению. Если природу можно представить в количественном виде, то нам доступно и точное знание о ней, — доказывал современник Декарта Галилео Галилей (Galileo Galilei, 1564—1642) в своей новой науке о движении. Тем самым Декарт заложил философские основания современной физики — науки, стремящейся к познанию мира как системы, в которой все обусловлено движением материи. Декарт, а с ним и физическая наука в целом устранили из картины мира неточные и количественно не выразимые понятия, такие как «душа» или «форма», которые для нового образа мышления стали попросту ненаучными.

Как мыслителю Декарту была присуща рефлексия, и он понимал, что за пределами созданной им механистической картины физического мира осталось нечто, — а именно, его собственное мышление. *Любое описание знания должно включать некоторое представление о том, в чем заключается познание, и на какой объект оно в действительности направлено.* Не сомневаясь, что он является мыслящим существом, Декарт полагал: в состав мира входит не только материя, но и разум, и разум этот представляет собой *мыслящую субстанцию*, не протяженную в пространстве, неподвижную и не описываемую количественно. В итоге он пришел к идее о том, что помимо Бога в мире существуют два рода вещей — материя и разум, отмеченные абсолютно противоположными свойствами: если материя характеризуется механическим движением, то разум — способностью мыслить. Это и есть так называемый **картезианский дуализм** (от Cartesius — латинизированного имени Декарта). Как способ мышления он был ясен, задавая при этом четкую программу исследований в области физических наук, ориентированную на математический анализ физического мира. Но дуалистическая философия была неубедительной.

Дуализм неубедителен потому, что даже если считать, что материя и разум не имеют ничего общего, в мироздании все равно найдется одно такое место, где они существуют и действуют вместе. Это «место» — человек. Согласно Декарту, отличие человеческого существа от остального мира состоит в том, что оно обладает и телом, и разумом (или душой — Декарт использовал латинский и французский эквиваленты обоих слов). Он полагал, что животные являются своего рода машинами, и что многое в человеческой жизни, например страсти, или аффекты, вызывается физическим движением, происходящим в крови и теле. Но у людей это физическое движение — например, возникающее в глазах под действием света, — взаимодействует с мыслящей активностью души, в результате чего мы имеем восприятие, воображение и рассуждение. Но этот ход мысли тут же, как ясно видел Декарт, создает парадокс: как взаимодействуют друг с другом два абсолютно различных начала? Здесь, и это понимали и сам Декарт, и читатели его трудов, было слабое место его философии. Сейчас можно сказать, что Декарт оставил в наследство современной психологии чрезвычайно сложную проблему. Подчеркнем, что сам он никогда не говорил о «психологии», хотя его и занимали такие явления, как ощущение, чувство, память и т.д. Но когда позднее ученые захотели создать психологическое знание, то создавать его им пришлось на основе своего рода смеси из знаний о материи и о разуме. Это породило многие проблемы психологической науки и создало интригу для истории психологии. Стремясь понять, как устроены люди, мы нуждаемся в знании о том, что для Декарта и его последователей представляло собой наи-

большую головоломку, — о том особом месте в мире, где происходит взаимодействие души и тела.

Картезианский дуализм предполагал два различных подхода к изучению людей. Несмотря на свою противоположность и даже конфликтность, оба подхода внесли свой вклад в то, что позднее стало психологией. Или точнее, оба внесли вклад в появление различных психологий — во множественном числе.

В стремлении понять то, что называют психологическими процессами, первый из названных подходов отталкивается от материи, основываясь на знаниях о физических телах. Его представители двигаются, если можно так выразиться, *от материи к сознанию*. Так, в XVIII в. на основе этой концепции проводились медицинские и экспериментальные исследования функций, выполняемых различными частями мозга и нервной системы. Исследователи связывали рефлекторные действия со спинным мозгом, а осознаваемые чувства и ощущения — с головным мозгом. Этот подход, в частности, привел французского врача **Жюльена Офре де Ламетри (Julien Offray de La Mettrie, 1709—1751)** к созданию скандально известной книги «Человек-машина» (*L'homme machine*, 1747), в которой отрицалось существование души. Той же логике следовали остроумные и рискованные сочинения **Дени Дидро (Denis Diderot, 1713—1784)**, посвященные влиянию тела, а также пола на человеческий опыт. Данный подход также сыграл роль в возникновении наиболее влиятельной традиции в англоязычной философии, имевшей исключительно большое значение для психологии. Традиция эта опиралась на следующее рассуждение: *чтобы понять разум, нам нужно отправляться от ощущений, берущих начало в физическом мире и дающих нам опыт*. В соответствии с этой точкой зрения, ключ к психологическому знанию — это опыт, научение или адаптация, а также то, каким образом человеческое существо реагирует на окружающий мир, в который оно физически «встроено» в буквальном смысле слова. (Эта традиция называется **английским эмпиризмом**, и немного подробнее о ней будет сказано ниже.)

На протяжении последних двух столетий первый подход пользовался исключительной популярностью среди психологов. Причина этого понятна. Ведь здесь подразумевается, что психология может быть строгой наукой и располагать таким же объективным и систематическим знанием, как физические науки. Успехи этих наук в понимании природы и управлении ею и тот высокий статус, которым они обладают в университетах и в обществе в целом, делают такой подход привлекательным для психологов. Он будто бы служит гарантией, что психология станет наукой, а психологи получат возможность изменять социальный мир и даже управлять им, и вызовут уважение у других ученых. Этот подход объединяет проведенные Кеплером исследования глаза и работы Луиджи Галь-

вани (Luigi Galvani, 1737—1798), посвященные электрической природе нервной проводимости. Этот же подход продолжал Сеченов, который в 1863 г. заявил о рефлекторной основе происходящих в мозгу психологических событий; в XX в. те же идеи вдохновляли американских психологов-бихевиористов, Павлова и, наконец, современных представителей когнитивных наук, создающих компьютерные модели психики. Многие верят в то, что этот подход позволит объединить имеющиеся знания, в том числе знания о людях, в одну глобальную схему научного понимания мира.

Но имеется и второй подход, представители которого движутся в своих рассуждениях в противоположном направлении. Они, если можно так выразиться, следуют *от сознания к материи*. Если и не исторически, то, по крайней мере, символически подход этот связан со знаменитым высказыванием Декарта: можно усомниться во всем, кроме собственной способности к сомнению, а значит, кроме наличия мыслящего сознания. Некоторые философы из утверждения Декарта делали вывод: только благодаря способности к мышлению мы можем говорить, что существует доступный изучению физический мир. И это породило равновидность научной психологии, которая, вместо того чтобы равняться на физические науки, в качестве отправной точки приняла анализ разума. Данной логики придерживался еще **Готфрид Вильгельм Лейбниц (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646—1716)**, представитель следующего за Декартом поколения, затем, в конце XVIII в., — Кант и, наконец, уже в начале XX в. — последователи Гуссерля — основоположника феноменологии. Многие современные психологи, предпочитающие видеть себя в роли ученых-естествоиспытателей, считают, что психологии удалось отделиться от этой философской традиции. Так или иначе, остается историческим фактом: *многие психологи хотели начать свою науку с анализа психических актов, феноменального мира сознания либо языка, а вовсе не с имеющихся знаний о физическом мире.*

Второй подход привлекал тех, для кого человеческое существо не было машиной или только материальной системой. Казалось, он позволит познать нечто большее, чем только физическую природу, в которой не оставалось места, скажем, для религиозных представлений о человеческой душе. Многие, включая самого Декарта, предпочитали считать сущностью человека нематериальное начало — душу. Однако другие авторы, как, например, немецкий философ Дильтей, шли дальше, к созданию научной психологии, которая бы исследовала и оценивала достижения человеческого разума в истории, языке и культуре. Дильтей хотел, чтобы научная психология исходила из непосредственно сознаваемого мира, из мира чувств, ценностей и смыслов, — того, что он называл жизненным опытом. В XX в. сходных взглядов придерживались представители феноменологической и гуманистической пси-

хологии — такие как голландский психолог Бойтендаик и психотерапевт Юнг.

Два названных подхода существовали бок о бок, нередко вступая друг с другом в конфликт. Из дискуссий между представителями различных взглядов и возникло психологическое знание. Взгляды же соответствовали разным философским воззрениям; споры об этих воззрениях и связанных с ними психологиях продолжаются и в настоящее время. Нет никаких оснований думать, что они прекратятся в будущем, и не стоит об этом сожалеть. Психологию интересует заключенное в теле мыслящее сознание, пытающееся понять самое себя; это порождает чрезвычайно сложные, но в то же время чрезвычайно захватывающие вопросы, и глупо было бы думать, что возможен лишь один подход к их решению.

1.4. XVIII ВЕК: ЗНАЧЕНИЕ ДЖОНА ЛОККА

Самые живые дискуссии о трудах Декарта начались, когда тот уже умер, в десятилетия после 1650 г. В 1687 г. Исааком Ньютоном (Isaac Newton, 1642—1727) были опубликованы «Математические начала натуральной философии» (*Philosophiae naturalis principia mathematica*). Хотя немногие способны были прочитать и понять саму книгу, со временем стало ясно, что благодаря ей наше понимание мироздания стало более глубоким. В сравнении с этими представлениями аристотелевские размышления о природе выглядели явно неадекватными. В то же время в новых работах в области физики ничего не говорилось о душе, и в результате на протяжении всего XVIII в. учение о душе излагалось в соответствии со старыми аристотелевскими канонами. Но эти рассуждения далеко не всегда были старомодными. Нередко здесь пробивалась живая мысль, задававшаяся вопросом об умственных силах и способностях, в существовании которых мы убеждаемся и на основе логики — так как способности нужны нам, чтобы мыслить, — и на собственном опыте, поскольку способны испытывать ощущения, пользоваться воображением, памятью и т. д. Подобные рассуждения некоторые мыслители, особенно в немецкоязычных странах, называли психологией. Так, **Иммануил Кант (Immanuel Kant, 1724—1804)**, тогда еще относительно молодой философ, преподававший в прусском университете в Кёнигсберге (ныне Калининград), читал лекции по психологии, в которых рассматривались такие проблемы, как сон и сновидения, источники общительности и природа чувства прекрасного. Но в более поздних философских трудах, выдержанных в формальном духе, он изменил свое мнение. Теперь он считал: так как невозможно создать систему психологического знания, опирающуюся на дедуктивный

вывод и количественный анализ, психология не сможет стать строгой наукой, подобной той, что изучает законы движения в физическом мире. Психология, полагал Кант, располагается ближе к области повседневного знания.

И следует признать, что обыденные представления культурных слоев общества становились по своему характеру все более психологичными. Всякие модные обычаи и привычки, такие как вырезание из темной бумаги силуэта или профиля какого-либо человека, якобы позволявшие установить связь между внешностью и характером, способствовали появлению своего рода «популярной психологии». Роман — литературный жанр, получивший распространение в XVIII в., — оказал здесь глубочайшее влияние, предоставив читателям способы рассуждения о природе и источниках индивидуального опыта и поведения. Роман Самуэля Ричардсона «Памела, или вознагражденная добродетель» (*Pamela, or Virtue Rewarded*, 1740 — 1741), ставший для образованной Европы настоящей сенсацией, являл собой драматическую историю субъективных — и потому, мы сказали бы, психологических — усилий героини, стремящейся сохранить девственность. Наряду с романом процветали эпистолярный жанр, ведение дневников и мемуаристика; все это способствовало возникновению индивидуального психологического мира. Декарт в своих трудах также риторически выделял *Я* как субъекта творческого процесса и одновременно отправную точку философского рассуждения. Многие в XVIII в. склонялись к тому, что человеку для углубленного самопознания понадобится особая наука о *Я*, и к концу столетия некоторые немецкие и французские авторы называли эту науку «психологией». Чрезвычайно важно, что у этого представления были и философски-научные, и обыденно-житейские корни. *Предметная область, названная психологией, появилась там, где формальное систематическое мышление соприкасается с жизнью обычных, рядовых людей, их представлениями о себе и их образом действий.* И сегодня психология продолжает развиваться именно так.

Из всех сочинений, появившихся в ответ на философию Декарта и ньютоновскую концепцию мироздания, одним из наиболее влиятельных стал труд **Джона Локка (John Locke, 1632 — 1704)**. В «Опыте о человеческом разумении» (*Essay Concerning Human Understanding*, 1690) Локк стремится объяснить, как достигается то знание о природе, которым, как продемонстрировал Ньютон, мы и на самом деле способны обладать. По словам самого Локка, его интересовала логика, которую тогда понимали как верный путь к знанию, но особый интерес вызывал у него вопрос о границах познания, которые следует определить для того, чтобы люди не провоцировали страсти и конфликты, рассуждая о том, чего знать заведомо не могут. Локк заключил, что к достоверному и надежному знанию есть лишь один путь, путь *опыта* и *рефлексии*,

с помощью которой мы анализируем полученные из опыта идеи. (В то же время Локк не подвергал сомнению христианскую веру.) Ньютон, по его мнению, опирался на опыт, когда обнаружил законы движения в природе. Локк не ограничился простой констатацией своих взглядов, а пошел дальше, в деталях проследив, как сложная умственная жизнь строится из ощущений и рефлексии, и как ощущения соединяются в сознании, делая возможными мышление и язык. Кроме того, Локк положил начало чрезвычайно важному направлению анализа, в котором чувства разлагаются на элементарные составляющие — удовольствие и боль, эти последние интерпретируются как ощущения, а *наше поведение объясняется как реакция на испытываемые удовольствие и боль*.

Хотя сам Локк не выделял психологию как особую область исследования, позднее, обращая взгляд в прошлое, многие психологи видели в нем основоположника своей науки. Он ведь изучал, как умственная жизнь возникает из чувственного опыта, и предположил, что поведение также закономерно определяется этим опытом. По Локку, в начале жизни маленькие дети практически не обладают умственной жизнью и только постепенно, приобретая опыт и развиваясь, становятся тем, что они собой представляют в качестве взрослых. Это очень влиятельное научное направление связывало то, что человек знает и делает, — кем он является, — с той социальной средой, в которой он вырос. *Характер человека не дан от рождения, а создается*. Если принять такую точку зрения, психологическое знание приобретает чрезвычайную важность: с его помощью мы узнаем, как воспитывать и обучать людей, чтобы построить лучший мир. И действительно, сам Локк написал небольшую, но пользовавшуюся широкой популярностью книгу о воспитании детей, либеральную для своего времени, в которой описывалось, как вызывать у ребенка интерес к учению и приобретению опыта, вместо того чтобы пытаться «вбивать» знания в его голову.

Локка по праву считают одним из главных представителей Просвещения — великого культурного и философского движения, проникнутого надеждами на лучшее будущее человечества. Эти надежды связывались с тем, что люди способны учиться, что им доступно рациональное понимание мира природного и человеческого, и что новое знание позволит предпринять определенные действия, которые принесут людям счастье. Новый мир будет миром просвещенным: освободившись от невежества и религиозных предрассудков, люди будут совместно решать социальные вопросы, не завися от тщеславия и алчности королей и царей; люди будут использовать знания для управления как окружающей, так и своей собственной природой, что позволит сократить долю страданий и увеличить долю счастья. Многие направления современной психологии по-прежнему разделяют эти идеалы как

само собой разумеющиеся, пусть даже вместо мечтаний о перемене участи всего человечества сегодняшние психологи направляют усилия на более скромные по масштабам улучшения — например, в области образования. В XVIII в. такие авторы, как **Дэвид Гартли (David Hartley, 1705 — 1757)** в Англии и **аббат де Кондильяк (abbé de Condillac, 1714 — 1780)** во Франции, в своих сочинениях превратили локковское описание опыта в детальный анализ того, как ощущения, соединяясь друг с другом, образуют сложное знание. В частности, Гартли описал так называемую *ассоциацию идей*: как ощущения — впечатления от вещей — связываются друг с другом в памяти. Из этого британские социальные философы-утилитаристы, последователи **Иеремии Бентама (Jeremy Bentham, 1748 — 1832)**, вывели целую политическую программу создания нового мира, в котором получаемые из опыта удовольствие и боль станут руководить людьми, естественно и неизбежно заставляя их действовать в направлении увеличения счастья. Это увело размышления о сознании далеко в сторону от традиционных христианских представлений о душе. И хотя размышления эти нельзя считать непосредственной причиной Французской революции 1789 г., философы Просвещения, социальные реформаторы-утилитаристы, а также собственно революционеры, — все они сходились в том, что люди способны переделать свой мир. Возможность эта зависит, как полагали они, от человеческого разума, а не от Бога. В пользу этой возможности — в пользу того, что свободные мужчины могут взять собственное будущее в свои руки, — говорило образование Соединенных Штатов Америки — республики с новой прогрессивной конституцией. Но даже в США женщины и рабы исключались из политического общества.

1.5. XVIII ВЕК: ШИРОКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Новым течениям политической мысли противостояли консервативные силы старой Европы. От Мадрида до Вены, от Петербурга до Парижа правители настаивали на том, что общественный строй базируется на иерархии, которая установлена Богом, абсолютном контроле сверху донизу и безоговорочной вере. В основе своей человек — падшее существо, доказывали консервативные мыслители, и спасет его только Христос, но не в этом мире, а в вечной жизни.

К востоку от Рейна влияние просвещенной мысли либо было незначительным, либо проявилось позднее и в иной форме. Феодальные способы общественной организации задержались здесь намного дольше, в результате чего, в частности, огромные массы людей оставались неграмотными. Однако в немецких государствах и странах Австрийской империи в XVIII в., а в России — в XIX в.

возник, а затем все увеличивался слой людей, обладавших образованием, но не имевших политического представительства, — людей, которые связывали надежды на будущее с идеями и идеалами Просвещения. В немецких государствах (объединение Германии под началом Пруссии совершилось лишь в 1871 г.) вокруг многочисленных, но небольших дворов правителей концентрировалась интенсивная интеллектуальная жизнь; при каждом из них был свой университет. Так, при дворе герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах обрел в конце XVIII в. пристанище **Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744—1803)**, один из великих сочинителей, писавших о просвещении и прогрессе человечества, а также Иоганн Вольфганг Гёте, воплотивший в своем творчестве идеалы немецкой культуры и ставший их символом. Тот же двор покровительствовал университету Йены, в котором в 1790-е гг. поэт и драматург Фридрих Шиллер, философ Иоганн Готтлиб Фихте, братья Фридрих и Вильгельм Шлегели, а также несколько позднее философы Фридрих Вильгельм Шеллинг и Георг Вильгельм Гегель положили начало направлениям романтизма в литературе и идеализма в философии. Позднее, в 1810 г., был основан Берлинский университет — попытка утвердить культурное значение Германии в ответ на военные поражения от наполеоновской армии. Там создавалась модель, впоследствии воспринятая и другими университетами, — сочетание функций образования и исследования. В Берлинском университете впервые появились научные дисциплины, изучаемые и в наше время, в циклах естественных и гуманитарных наук; к последним в англоязычной традиции относят филологию, философию, историю, искусствоведение и литературу. Ни психология, ни обществоведение, или социология, не считались тогда самостоятельными дисциплинами. В отличие от них, физиология уже сложилась в качестве экспериментальной естественной науки, и в результате многочисленных исследований нервной системы в первой половине XIX в. утвердилась мысль о том, что мозг является органом сознания, а **рефлекторный акт** — единицей нервной функции.

В то время как английские, шотландские и французские мыслители XVIII в. под влиянием Локка изучали возникновение умственной жизни из ощущений, их германоязычные коллеги под влиянием Лейбница больше внимания уделяли активной роли разума в ее формировании. Ко второй половине столетия появилось множество трудов о различных умственных способностях или силах, которые подразделялись на способности рассуждения, чувства и действия (**когнитивные, аффективные и конативные**). Эти работы заложили основы двух важных достижений, одно из которых было весьма абстрактным, на грани умопостигаемого, а другое — конкретным и тесно связанным с тем, как видят себя обычные, рядовые люди.

Первым из этих достижений была *критическая философия* Канта, занимавшаяся, говоря его собственными словами, «критикой» того, что возможно знать, а также того, каковы логические (а не фактические) условия научного познания. То, как мы рассуждаем о мире, определяется, согласно Канту, логической структурой нашего разума. Вне зависимости от философского смысла кантовских утверждений, многие находили у Канта идеи, близкие к психологическим: *сознание*, утверждал он, *задает некий каркас, или структуру, упорядочивающую опыт*. Психологическая жизнь не является лишь пассивным ответом на воздействия окружающего мира; мы на самом деле активно формируем наши знания о мире и наши реакции на него. Такое описание функционирования разума многим представлялось гораздо реалистичнее и привлекательнее теории, которая выводила все из ощущений, приписываемой Локку и его последователям. Аргументы сторонников Канта, часто абстрактные, порой наполнялись и конкретным содержанием: скажем, воспринимает ли разум получаемые от глаз зрительные впечатления пассивно или же упорядочивает то, что видит, используя «каркас» имеющихся ментальных структур?

Развитие философских воззрений было связано с формированием нового взгляда на человеческую природу: теперь на первый план выдвигались ценность и значение человеческого опыта и чувств; индивиду, способному к глубоким переживаниям, уделялось огромное внимание, даже если его чувства и опыт шли вразрез с принятыми в обществе обычаями. Поколение, воспитанное в духе ограничений консервативного общества и под влиянием религии с ее подозрительным, если не сказать враждебным, отношением к чувствам, смогло, тем не менее, в конце XVIII в. вырваться на волю. В субъективном *Я*, в психологическом мире личных переживаний видели ключ к счастливой и полной жизни. Художники и поэты, в своем творчестве выражающие яркую реальность внутреннего мира, предстали теперь в роли героев, своего рода образцов полноты и осмысленности жизни для других людей. Это дало начало культурному течению, называемому романтизмом. Оно повлияло на идеалы университетского образования, связав их с реализацией внутреннего потенциала индивида путем упорной, дисциплинированной учебы. Оно же повлияло на искусство, вызвав, например, к жизни роман воспитания (*Bildungsroman*) с его основной темой: как жизнь человека обретает смысл и направление по мере того, как человек ищет и находит свое истинное место в мире. Романтизм оказал влияние и на психологию, сформировав ожидание, что это будет наука о субъективном *Я* — о том, какие внутренние побуждения на самом деле движут людьми. Последнее заставило психологов, которые до этого занимались или анализом разума, или построением психологии по образцу естественных наук, сменить ориентиры. Именно

писатели-романтики создали образ личности, которую определяют потаенные и сильные чувства. В этом отчасти кроются причины той популярности, которую в XX в. приобрел Фрейд как психолог. Здесь же в значительной степени были заложены корни типичного современного представления о том, что психология — это наука о внутреннем мире индивида. К такому образу мышления широкую публику подготовили скорее литераторы начала XIX в., чем люди, называвшие себя психологами. Так, несомненно, было в России, о чем свидетельствует необычайно важная роль произведений Пушкина, Лермонтова и Гоголя в формировании мира субъективных переживаний.

Начиная с середины XVIII в., книги под заглавием «психология» стали появляться чаще (хотя в англоязычном мире это случилось позднее, во второй четверти XIX в.). Область, получившая такое название, была чрезвычайно широкой. Она включала в себя изучение умственных сил, или способностей, опыты над цветовым зрением, ведение ежедневных записей о развитии детей, рассуждения об индивидуальных характерах, а также описания чувств — все то, что стали называть внутренней жизнью. Наряду с этим на протяжении всего XVIII в. вызревало представление о том, что *личность представляет собой социальное существо*: мысль о том, что общество не сводится к устройству жизни людей, а определяет сердцевину человеческого существа. Многие авторы стали склоняться к мнению, что связующим звеном между так называемым «внутренним» и «внешним», общественным, миром является язык. Неслучайно в конце XVIII в. не только развивается психология, но складывается как дисциплина и филология, предшественница современной лингвистики. Для того времени характерны и дискуссии о том, насколько история языков отражает историю становления человека.

Отправной точкой здесь стала книга «Новая наука» (*La scienza nuova*, 1725 г., значительно переработана в 1744 г.), блестяще написанная и одновременно неупорядоченная и хаотическая, автором которой был **Джамбаттиста Вико (Giambattista Vico, 1668 — 1744)**. В XVIII в. он, профессор риторики Неаполитанского университета, был, впрочем, почти неизвестен, и лишь после появления трудов Гердера (работавшего независимо от него) тот образ мышления, та наука, которую стремился развить Вико, оказались в центре внимания ученых. Согласно взглядам Вико (и позднее Гердера), *способность человека к языку и социальная организация развивались вместе* — ни та, ни другая не могут существовать по отдельности. Их следующая идея состояла в том, что *наука о становлении человека как индивида и как члена общества — это изучение истории языка и общества*. Понимание природы человека, утверждали они, равнозначно пониманию истории различных сменяющих друг друга стадий общественного развития и связан-

ной с ними культуры, в основе которой лежит язык. Характер, которым обладает каждый человек, равно как и язык, на котором он говорит, определяются временем и местом его жизни. В попытке понять, что представляют собой и как ведут себя люди, это научное направление ориентировалось скорее на общественные отношения и культуру, чем на изучение отдельно взятого, индивидуального сознания. Данные представления стали стимулом для изучения истории языка, истории развития и исчезновения цивилизаций, а также различий, существующих между группами людей — группами, которые в XIX в. стали все больше ассоциировать с национальностями и расами.

С начала XVIII в. французские авторы различали изучение индивидуальных и коллективных обычаев и привычек (*le moral*), с одной стороны, и того, что можно отнести к физическому измерению человеческой жизни (*le physique*), с другой. Барон де Монтескье (*baron de Montesquieu*, 1689—1755), автор одной из наиболее влиятельных книг столетия — «Дух законов» (*L'esprit des lois*, 1748), попытался дать последовательное объяснение тем различиям, что существуют в социальной, правовой и политической организации разных стран. Книга его может служить примером исследования социальной стороны жизни — «*le moral*». Примером изучения «*le physique*» является книга графа де Бюффона (*comte de Buffon*, 1707—1788) «Естественная история человека» (*L'histoire naturelle de l'homme*, 1749), написанная в качестве введения в многотомную естественную историю, в которой помимо прочего проводится сравнение разных человеческих типов с человекообразными обезьянами (шимпанзе и орангутангами, так как о гориллах в Европе узнали лишь столетием позже). На границе между «моральной» и «физической» сторонами человеческой природы довольно неудобно располагаются темы, которые мы связываем с психологией. Важное направление мысли 1790-х гг., известное под названием **идеологии** (*idéologie*), что подчеркивает связь с теорией знания Кондильяка, стремилось сблизить эти стороны, чтобы понять, как жизнь тела, чувственный опыт и общественные обычаи, взаимодействуя друг с другом, формируют человека. Некоторые историки считают эти попытки первой гуманитарной наукой, основанной на систематическом знании. Именно под влиянием «идеологов» врач **Жан-Марк-Гаспар Итар** (**Jean-Marc-Gaspard Itard**, 1774—1838) поставил один из наиболее известных опытов по изучению человеческой природы. Эта история заслуживает внимания и сама по себе, и как попытка решить важнейший интеллектуальный и нравственный вопрос, который в дальнейшем будет чрезвычайно занимать психологов и влиять на их взаимоотношения с обществом, — вопрос о том, что человек получает от рождения, а что — от воспитания. Это проблема природы и воспитания (или культивации), если использо-

вать формулировку, которую столетием позже ввел в широкий оборот Гальтон.

Холодной зимой 1799—1800 гг. жители сельской местности в южной Франции застали за кражей съестных припасов обнаженного мальчика. Когда его поймали, то стало ясно: на протяжении ряда лет он вел жизнь дикого человека, самостоятельно выживая в природных условиях. Этот мальчик, как считал тогдашний образованный мир, полностью «естественен», поскольку не получил никакого воспитания. Он не умел разговаривать, не знал, что такое чистота, и зачастую предпочитал передвигаться на четырех конечностях. Итар в Париже был одним из первых, кто занимался обучением глухонемых детей, и ему пришла в голову мысль продемонстрировать на примере найденного мальчика роль общества в развитии сознания, научив его говорить и вести себя подобно другим людям. Мальчик, которого назвали Виктором из Авейрона, оказался трудным учеником. После нескольких лет интенсивных усилий Итар вынужден был признать, что, хотя Виктор и научился, пусть с большой неохотой, мыться в ванне и носить одежду, но он так и не смог овладеть человеческим языком. Критики попытались преуменьшить значение результатов Итара, заявляя, что Виктор — идиот от рождения. Более проникательные наблюдатели задались вопросом: не объясняется ли все тем, что в момент, когда у детей происходит, как правило, развитие речи, у Виктора не было никаких социальных контактов? И возможно ли подобное обучение в более позднем возрасте? Этот эксперимент продолжает вызывать и интеллектуальный интерес, и эмоциональный отклик — так, Виктор стал героем прекрасного фильма «Дикий ребенок» (*L'enfant sauvage*, 1970), снятого Франсуа Трюффо; кроме того, мы до сих пор время от времени слышим истории о так называемых диких детях. Что именно делает человека человеком, а не животным? Где же «естественное», если и для развития языка, и для формирования мира чувств необходимо определенное участие общества в развитии ребенка? Многие исследователи пытались позднее найти ответ на эти вопросы, оказавшиеся, однако, намного более сложными, чем представлялись на первый взгляд.

В это же время начинается — в первую очередь, в Англии — масштабная трансформация общественной жизни, известная под названием промышленной революции. Ее причинами были рост населения, расширение предпринимательства, торговля и потребительский рынок, а также появление новой техники. Тогда же возникает и новая наука — политическая экономия, хотя интерес к причинам богатства и, следовательно, могущества народов, обусловленный политическими и военными мотивами, существовал и раньше. Первые теоретики политической экономии, в том числе шотландец **Адам Смит (Adam Smith, 1723—1790)**, ставили во-

прос о взаимосвязях между человеческим характером (или, выражаясь нашим языком, психологией) и экономической и социальной организацией, поскольку первый должен влиять на общественные отношения. Сам Смит придавал решающее значение тому, что называл *симпатией*, — естественной способности людей сопереживать другим, а значит, и действовать в интересах общественной солидарности. Он считал симпатию противовесом естественного стремления индивида к частной выгоде. Смит и его современники рассматривали происходящие вокруг социальные изменения как самую последнюю стадию исторического процесса — просвещение, которое позволит улучшить и общество, и характер людей.

1.6. НА ПУТИ В XIX ВЕК

Девятнадцатое столетие было веком веры в прогресс, который позволит устроить общество в интересах общего блага, улучшив в то же время нравы и подняв образовательный уровень. От общественных наук и психологии ждали знаний о том, как ускорить прогресс. Некоторые авторы — такие как английский философ и либерал Джон Стюарт Милль, — полагали, что наука об обществе должна основываться на знании человеческой психологии. Другие — как **Огюст Конт (Auguste Conte, 1798 — 1857)**, независимый французский интеллектуал, который в 1830-е гг. создал философию позитивизма и ввел термин «социология», — придерживались мнения, что психология не может быть наукой. Согласно Конту, психология — не что иное, как несуразная попытка расщепить сознание, чтобы одна его половина занималась наблюдением за другой. Объективный ученый должен либо исследовать мозг, либо изучать поведение людей в обществе, а не заниматься чем-то средним — гипотетическими субъективными состояниями сознания. Уже тогда, в первой половине XIX в., имелась почва для дискуссий: как соотносятся общественные науки и психология, знание об обществе и знание об индивиде, стремление изменить общество и стремление изменить человека? Эти дискуссии продолжались на протяжении всего XX в., и поныне не решено, с чего должен начинаться прогресс — с индивида или с общества?

Один из ответов принадлежит **Карлу Марксу (Karl Marx, 1818 — 1883)**: основываясь на политической экономии и теориях XVIII в. о стадиях человеческого прогресса, он игнорировал психологию. Его интересовало, что люди делают и производят, — мир экономических и политических отношений, а вовсе не субъективный мир; это он считал идеализмом и поэтому отбрасывал. В то же время из произведений молодого Маркса, опубликованных и по-

лучивших известность лишь через сто лет после того, как они были написаны, становится ясно: сущность критики того мира, который возникал на глазах Маркса, заключалась в том, что мир этот мешал, не давал развиваться внутреннему потенциалу человеческой личности. В его размышлениях всегда на заднем плане присутствовала мечта о «воспитании» (Bildung), то есть о развитии умственного мира и выражении его в культуре как подлинно человеческой цели. Но на практике Маркс направил усилия на сокрушение тех политических условий, которые, как он думал, делали эту цель недостижимой, а вовсе не на развитие теории человеческой природы, в которой нашлось бы место и для психологии. Позднее многие авторы, ничуть не менее приверженные идее общественного прогресса, высказывали мнение, что Конт и Маркс были неправы, игнорируя психологию. Напротив, полагали их критики, нам нужна наука — социальная психология, изучающая, каким образом индивидуальная психика взаимодействует с общественными структурами и их изменяет.

Как говорилось в этой главе, еще до начала XIX в. существовали различные варианты понимания человеческого сознания и той деятельности, в которую оно вовлечено. И в Европе, и в Северной Америке бытовали весьма отличавшиеся друг от друга представления о человеческой природе и о том, как ее следует изучать. Многие религиозно настроенные люди по-прежнему верили, что сущность человека — это его душа, и потому, полагали они, наука о человеке, какой бы она ни была, должна основываться на вере, т. е. на истинах, находящихся за пределами рационального человеческого познания. Но многие авторы — частью настроенные религиозно, частью нет — стремились найти способы познания человеческого сознания и деятельности как относящихся к естественному миру. Например, англоязычные авторы нередко ссылались на науку о «сознании», а не о «душе»; они также использовали подчас понятие *ментальной философии* (mental philosophy), которую, как полагали, можно изучать наряду с *естественной философией* (natural philosophy) — науками о физическом мире. Немецкоязычные авторы говорили непосредственно о «психологии», создав большой массив научных трудов, посвященных *Я* и активным способностям рефлексивного разума.

Различия во мнениях были огромны. Так, в Англии **Джеймс Милль (James Mill, 1773 — 1836)**, отец Джона Стюарта Милля) в книге «Анализ феноменов человеческого ума» (Analysis of the Phenomena of the Human Mind, 1829) подверг систематическому (и очень нудному) разбору различные ощущения, а также то, как из соединения их рождаются наши мысли. Сопутствующие же ощущения чувства удовольствия и боли, по его мнению, побуждают нас действовать таким образом, чтобы продлить удовольствие и избежать боли. Милль был последователем Бентама и стре-

мился к точному количественному знанию о человеке, чтобы на этой основе создать социальный порядок, при котором счастье одного зависело бы от счастья всех других, что могло бы быть достигнуто только в правильно устроенном обществе. Этот взгляд на человеческую природу другой шотландец и критик Милля, Томас Карлейль (Thomas Carlyle, 1795—1881), сравнил с попыткой «перемолоть счастье» — по примеру того, как шлифует деталь машина, детище промышленной революции. В отличие от Джеймса Милля, Карлейль испытал влияние немецкого романтизма, который в поисках человеческого образца обратился к феномену гениальности. Как полагали романтики, деятельность гения заключается не в «перемальвании» фактов, а в спонтанном творении, будь то в области искусства, науки, а также, возможно, в политике или на поле брани. В Англии Сэмюэл Кольридж (Samuel T. Coleridge, 1772—1834) перенес представления романтиков о сознании в теорию поэзии.

Другие немецкие авторы, склонные к большей рассудительности, — например, философ **Иоганн Фридрих Герbart (Johann Friedrich Herbart, 1776—1841)**, — стремились понять, как работает сознание, отпавляясь от первых начал философии и черпая подтверждение своим представлениям в опыте. В книге «Психология как наука» (Psychologie als Wissenschaft, 1825) Герbart описывал ощущения и идеи как активные силы, которые соперничают друг с другом, чтобы привлечь внимание сознания, при упорядочивающем воздействии индивидуального «эго». Он считал возможным создание количественной науки об умственных силах, по аналогии с механикой. Как бы то ни было, его философия все еще исходила из идеи единой человеческой души. Сходным образом француз **Франсуа-Пьер-Гонтье Мен де Биран (François-Pierre Gonthier Maine de Biran, 1766—1824)** доказывал, что в основе умственной жизни лежит переживание единого и активного *Я* — «le moi». Утверждения Мен де Бирана были реакцией на сочинения более ранних французских авторов, последователей Локка и Кондильяка, которые, как полагал Мен де Биран, не придавали значения *активному* ядру человеческой субъективности. И вряд ли случайно, что ему же принадлежат пронизательные, проникнутые рефлексией, наблюдения над собой, — впоследствии из всех его сочинений чаще всего вспоминали его дневники. Все это тоже было своего рода психологией.

Из всего сказанного ясно, что *единой психологической дисциплины не существовало*. Некоторые, как Герbart, заявляли, что создали психологию как науку, но, хотя Герbart и пользовался влиянием, его работы не привели к возникновению общественно признанной дисциплины. О существовании той или иной **научной дисциплины** говорят тогда, когда имеется корпус знаний и исследовательских практик, признаваемый всеми представите-

лями этой дисциплины и транслируемый путем преподавания. Это, в свою очередь, предполагает: наличия социальных институтов — таких как университетские кафедры; стадий карьерного роста для специалистов в данной области; моделей образования и оценки знаний для тех, кто только готовится вступить в данную область; наконец, возможностей делать публикации и сообщения о полученных результатах в академических журналах и на заседаниях научных обществ. В психологии все это возникало постепенно, шаг за шагом, в разных странах появляясь в разное время и в различных формах. Отдельные элементы существовали и до 1800 г.; важные и вполне конкретные шаги (в частности, основание журналов и научных обществ) были предприняты в последние десятилетия XIX в., особенно в Германии и США; однако период бурного роста начался лишь в XX в., и то в основном уже после Второй мировой войны.

Развитие и рост психологии как научной, академической профессии представляет собой лишь одну часть истории. Поскольку предмет психологии — будь то сознание или поведение — затрагивает то, что свойственно всем и каждому просто в силу принадлежности к человеческому роду, то у этой области всегда было не только академическое, но и общественное, публичное измерение. Некоторые современные психологи утверждают, что академическая психология научна, а популярная ненаучна. Но это различие далеко не всегда можно было провести с четкостью. Непрерывные споры о том, какое именно знание «научно», велись, по меньшей мере, с 1800 г. Прийти к согласию было сложно вдвойне, ведь *столь значительная часть психологии развивалась как часть практики*, стремящейся изменить жизнь людей с помощью медицинской терапии, образования, отбора персонала в бизнесе, брошюр вроде «помоги себе сам», руководств по позитивному мышлению и т. д.

Настоящая книга — история научной и практической психологии в XIX — XX вв., история в восьми главах. В трех первых главах описываются интеллектуальные и социальные условия, благодаря которым научная психология сформировалась в XIX в. как особая отрасль. В главе 2 рассказывается о развитии университетов и академических дисциплин, а также о попытках понять сознание на основе знания о физическом мире, в особенности о нервной системе. В главе 3 описываются различные теории эволюции, ставшие важным интеллектуальным событием. Мысль о том, что человек возник из мира природы, более чем какая-либо другая подкрепляет надежды на то, что наука о человеческой природе возможна, и именно как естественная наука. В главе 4 внимание сосредоточивается на последних десятилетиях XIX в., когда психологические дисциплины сформировались как интеллектуальные и социальные практики — по крайней мере, в Германии и США.

Переходя к обсуждению событий XX в., мы представим более широкую картину развития психологии, не только как академической дисциплины и области научных исследований. В главе 5 рассказывается о том, как люди стали искать способы решения индивидуальных и социальных проблем современности в психологических знаниях и техниках. В главе 6 мы вернемся к научной психологии в узком смысле слова, сосредоточась на тех теориях, создатели которых, подобно И. П. Павлову, утверждали: психологию можно превратить в объективную науку. Как будет продемонстрировано, в разных странах исследователи по-разному формулировали эти идеи. В главе 7 мы обратимся к психоанализу, представив его как попытку прийти к согласию с «иррациональным» в человеческой природе. При этом дается объяснение влиянию Фрейда, а также Юнга, хотя и с меньшей степенью подробности. Глава 8 посвящена социальной психологии, понимаемой как изучение отношений между индивидом — его мыслями, чувствами, поступками — и социальным миром. Эта глава включает краткое обсуждение советской психологии, поскольку именно в Советском Союзе — по крайней мере, в теории — социальная природа человека должна была привлечь к себе внимание. В завершающей книгу главе 9 дается обзор развития психологии за последние полвека и делается попытка связать прошлое с настоящим. Это огромная по своим масштабам задача. Поэтому в данной главе выделяются несколько наиболее важных направлений, например дискуссия о том, насколько человеческая природа определяется биологией и насколько — культурой, а также о том, является ли сознание лишь функцией мозга. Дойдя до этого места, читатель сможет понять, как именно его собственный опыт, его взгляд на психологию и его представление о человеке соотносятся с историей психологии, как она изложена в этой книге. Ведь история, в конечном счете, подобна автобиографии: она повествует о том, как и почему мы стали теми, кто мы есть.

ХІХ ВЕК: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Свобода и необходимость существуют бок о бок.

Леопольд фон Ранке. Из литературного наследия (написано в 1860-е гг.)¹

2.1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ И УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КОНТЕКСТ

Образование на протяжении всего девятнадцатого века вызывало страстный интерес. Самым лучшим считалось высшее образование в Германии, и поэтому во второй половине столетия на эту страну с завистью взирали современники. Стремясь уберечь свою страну от филистерства и мешанства, английский поэт и деятель образования Мэтью Арнольд (Matthew Arnold, 1822—1888) приводил в пример Германию и то уважение, каким там пользуются образованность и культура. Арнольд писал: «Больше всего восхищает в Германии то, что, несмотря на быстрый прогресс Промышленности, идея Культуры — Культуры в истинном смысле слова — остается живой силой» [цит. по: 120, с. 225]. В России после 1855 г. идеалистически настроенная молодежь воспользовалась плодами либерализации и устремилась в Германию, Австрию и Швейцарию, чтобы, получив там высшее образование, вернуться домой и перестроить собственные университеты по западным образцам. Глубоко униженные поражением, которое нанесла им Германия в войне 1870 г., французы усвоили урок, не в последнюю очередь связанный с преимуществами немецкой системы образования над французской. Италия, после объединения в 1870 г. занятая строительством современного национального государства, привлекла в свои университеты немецких ученых. Немецкая модель образования, когда обучение ведется по дисциплинам, а каждая дисциплина является специализированной областью, в рамках которой создается новое знание и воспитываются новые кад-

¹ Цит. по: *Stern F.*, ed. *The Varieties of History: From Voltaire to the Present.* — New York : Vintage Books, 1973.

ры ученых, представлялась важной для функционирования современного национального государства.

Это знаменовало важную перемену — ведь еще в конце XVIII в. значительная часть немецких университетов влачила, как считали, поистине жалкое существование. Очень немногие ученые, главным образом работавшие в Гёттингене, были действительно привержены идеалам научного исследования. Ситуация изменилась в течение первых трех десятилетий следующего века, в особенности после основания в 1810 г. Берлинского университета (позднее — университет Гумбольдта). Новый университет оказался в центре реформ, задуманных и осуществленных в 1806—1818 гг. прусским министром, лингвистом Вильгельмом фон Гумбольдтом (Wilhelm von Humboldt, 1767—1835). Перемены были культурной реакцией на военные поражения и раздробленность эпохи наполеоновских войн и затронули как программы преподавания, так и административное устройство университетов (кроме Берлинского был также создан университет в Бонне). Университетская реформа была проведена по требованию и при финансировании Прусского государства, чьему примеру последовали другие немецкоязычные страны. В результате обязанностью профессоров стала не только подготовка немногочисленных государственных служащих и представителей определенных профессий, но и широкое преподавание научных знаний. Государство гарантировало приток студентов, поскольку для гимназий нужны были преподаватели с университетским дипломом; это, в свою очередь, позволило придать академической карьере необходимую стабильность. Тем самым был создан целый класс хорошо образованных людей; из их среды вышли те, кто принимал затем решения о финансировании университетов исходя из представления об образованности и учености как подлинно немецких ценностях. В соответствии с принципом свободы преподавания студенты и преподаватели могли свободно переходить из университета в университет. А это означало, что различные немецкие государства могли соперничать друг с другом за повышение культурного статуса, за профессоров и студентов, что, в свою очередь, вело к увеличению университетского бюджета. Возникавшие в университетах группы ученых ориентировались на модель исследовательского сообщества, впервые сформировавшуюся в Гёттингене. Их деятельность стала убедительным свидетельством того, каких блестящих результатов можно достичь, если всецело посвятить себя исследованиям. Это стимулировало создание кафедр по новым дисциплинам и помогало получать финансирование из государственной казны. Так, в одном лишь Берлине труды Гегеля в области философии, Нибура — в истории, Савиньи — в юриспруденции стали впечатляющим прецедентом. Положение профессора в обществе стало весьма уважаемым, и репутация научных занятий росла.

Профессора XVIII в., как правило, не отличались узкой специализацией; лекции читались в виде общих курсов и предназначались для самой широкой студенческой аудитории. Печатные же труды (если они вообще были) за пределами академического мира находили лишь небольшое число читателей. В реформированных университетах преподавание и исследования были реорганизованы в соответствии с дисциплинарной моделью и отныне осуществлялись под эгидой философских факультетов. В итоге статус этих факультетов сравнялся со статусом факультетов права, медицины и теологии, если не превзошел его. *Теперь ученые стали, в первую очередь, специалистами; они адресовали свои работы коллегам и видели цель преподавания в подготовке нового поколения ученых для своей области.* В это время возникают в качестве организованных социальных институтов такие науки, как философия, история, филология, химия и физиология. Аудитория, для которой предназначены исследования специалистов, начинает все больше отличаться от общей читательской аудитории. Время от времени ученые выступают, как и раньше, перед неспециалистами — этого требует их убеждение в важности научных занятий для культурной и национальной жизни. Но свои выступления они посвящают не изложению содержания исследований, а, главным образом, истолкованию и объяснению научных ценностей и выводов. В это же время приобретает современное значение понятие «любитель» — человек, не способный по-настоящему понять то, о чем говорят ученые.

Ни социология, ни психология не вошли в число сформировавшихся новых дисциплин. Обращавшиеся к психологическим темам ученые были либо философами (как, в частности, Фридрих Бенеке (Friedrich E. Beneke, 1798 — 1854)), либо физиологами (как, например, Эрнст Вебер (Ernst H. Weber, 1795 — 1878)). У психологии и обществоведения не было еще специфической аудитории. Правда, *во многом корни психологии и социологии лежали в социальной жизни* за пределами университетского мира. Более того, новая организация высшего образования порождала противоречие между академическим интересом к исследованию, совершенствованию теории и научной специализации (все это считалось ценным само по себе, безотносительно к чему бы то ни было еще), и интересом общественным, сосредоточенным на прикладном, инструментальном знании и жизни обычных, рядовых людей. Значительная часть того, что стали позднее называть психологией, изначально была связана именно с общественным интересом. Когда психология превратилась в академическую специальность (как будет показано в главе 4), возникло противоречие, сохраняющееся и поныне: противоречие между ценностями академических исследований и целями конкретного общества.

В Германии, как и в других странах, рядом с высокой культурой продолжали существовать бедность, болезни, преступления, неграмотность и тяжелые условия, в которых приходилось трудиться как традиционному крестьянству, так и новому классу — рабочим промышленных предприятий. XIX столетие было веком большой общественной активности и вызванных ею реформ — нововведений в образовании, создания приютов и тюрем нового типа, законодательства об охране здоровья и труда и т. д. Именно здесь, по мнению ряда историков, и следует искать истоки психологии и обществоведения. Такие науки, как психология и социология, возникли не как особая область академических исследований, а скорее как важный элемент административных и институциональных средств управления людьми. И с этой точки зрения школы, тюрьмы, приюты, больницы, рабочие дома, семьи, правительственные отчеты, различные виды благотворительности, церковные кружки, молодежные движения, заводы и фабрики — все эти учреждения и виды общественной деятельности сыграли важную роль в превращении человека в объект систематического изучения. Именно им психология обязана значительной частью специализированного знания — достаточно вспомнить психологические исследования школьников, преступников, людей с умственной неполноценностью и других групп. Взгляды англичанина Бентама на рациональность наказания и ценность дисциплины основывались на его анализе соотношения удовольствия и боли; эти взгляды были применены на практике в тюрьме Восточной Пенсильвании в США. Французу Итару кроме попыток обучить «дикого» мальчика Виктора принадлежат и новые методы преподавания для глухонемых. В 1820-е гг. в поисках причин преступности администрация нью-йоркской тюрьмы в Обурне (Auburn) начала писать о заключенных краткие биографические очерки. Наконец, немецким учителям советовали вести специальные дневники, чтобы лучше понимать, как развиваются их ученики. Такие учреждения, как школа и тюрьма, помещали человека в какую-то определенную среду; наблюдая за поведением людей в этой среде, ученые обобщали факты и придавали им значение научных истин. Тем самым разнообразные социальные институты стали чем-то вроде первых лабораторий по изучению человека. Подчеркнем, что в самых разных областях жизни можно было встретить людей, вносящих вклад в создание психологического знания.

Неверно поэтому считать, что ученые-психологи сначала открывали факты человеческого существования, а затем использовали их в решении проблем; напротив, психология черпала свое содержание в первую очередь из повседневной жизни общества (эта тема обсуждается подробнее в главе 5). Под влиянием культурной и общественной жизни у людей формируются опреде-

ленные взгляды, которые затем уже находят воплощение в научном дискурсе. Ценности широкого социума вплетаются в ткань науки.

Становясь все более сильными и независимыми, университеты смогли утвердить собственные ценности, отличные от целей тех учреждений, которые занимались решением социальных проблем. Их идеал — идеал созданной Гумбольдтом философии образования — получил название *Bildung* (в буквальном переводе «формирование»). Слово *Bildung* означало особое целостное состояние — когда индивиду или группе людей в их стремлении к добру, истине и красоте удается соединить, интегрировать образование и повседневную жизнь. Преследуя цель *Bildung*'а, университеты хотели сформировать идеальную личность, создать идеальную культуру, будь то культура местного сообщества или всего народа. Этот идеал соответствовал представлению о самоценности образования и тем самым способствовал расширению и экспансии университетов.

Однако когда период создания университетов завершился, они, как и другие учреждения, стали двигаться по иному курсу, руководствуясь не столько высокими целями, сколько интересами определенных групп в стенах самих университетов. Идеал всестороннего развития личности, человека как воплощения универсума, не мог сохраниться в полном объеме, поскольку *сами ученые сменили приоритеты и главное внимание стали уделять своей дисциплине, ее нормам и стандартам специального образования*. Вместо того чтобы объединиться, разные дисциплины начали соперничать друг с другом за первенство. Теоретически главная роль принадлежала философии, поскольку та, как заявляли философы, интегрирует специализированные отрасли знания в единое целое. Но, начиная с 1850 г., многие молодые ученые ставили на первое место естественные науки, открывающие, по их мнению, путь к новому и объективному знанию. Специализация в естественных науках уже успела стать нормой; ученые все больше интересовались не идеалом формирования личности — *Bildung*, а конкретными детальными исследованиями, конечно, за исключением торжественных случаев и публичных выступлений.

Противоречия между университетскими идеалами и требованиями общества, хотевшего, чтобы знания приносили практическую пользу, хорошо видны на примере Соединенных Штатов Америки. Создание республики с зафиксированной на бумаге конституцией явилось великим достижением Просвещения. Эта новая страна стремилась стать политическим сообществом, основанным на рациональных принципах, свободным от религиозной нетерпимости, отзывчивым к человеческим, гуманитарным ценностям, — таким сообществом, каким не были старые европейские державы. Но политическая независимость США от Англии

не означала прекращения культурных и интеллектуальных связей с Европой.

В первой половине XIX в. в американских колледжах ничто не напоминало о тех переменах, которые происходили в университетском образовании и научной жизни в Германии. В колледжах стремились воспитать джентльмена в соответствии с той ролью, которую он был призван играть в профессиональной и общественной жизни. Студентов знакомили с моральными и социальными нормами, необходимыми для воспитания хорошего характера; именно в этом контексте стала преподаваться — под именем моральной философии — психология. Один из самых видных представителей моральной философии в Америке — шотландец, преподобный Мак-Кош, ставший в 1868 г. президентом колледжа Нью-Джерси (Принстонский колледж), — включил описательную психологию в курс нравственного воспитания.

Продвижение на Запад, гражданская война, промышленная революция, наплыв иммигрантов из Европы — все это уже в 1860-е гг. лишило прежнего авторитета те культурные и моральные ценности, которые казались элите Восточного побережья само собой разумеющимися. Ожидая от высшего образования чего-то более основательного, чем нравственное воспитание, многие студенты отправлялись в Германию, чтобы приобрести там опыт занятий наукой. В это же время были созданы и новые частные университеты — такие, как Корнельский, Стэнфордский, Чикагский, университет Джонса Хопкинса, — в которых вводилась немецкая модель исследовательских дисциплин. Не желая отставать от новых ожиданий и требований, к всесторонней реформе преподавания приступили и старые частные колледжи, такие, как Гарвард. Кроме того, принятый в 1862 г. закон Моррилла позволил законодательным собраниям штатов отводить земельные участки для создания колледжей, которые со дня своего основания оказывались тесно связаны с местной экономикой, бизнесом и социальными реформаторами. И эти колледжи должны были доказывать, что они способны приносить пользу местным сообществам, которые их финансировали. Результатом стало масштабное расширение системы высшего образования. И, несмотря на известные противоречия между интересами ученых и местного населения, на базе возникавших учреждений последипломного образования формировались специализированные научные дисциплины. В этих условиях в конце века и был сделан первый крупный шаг в развитии психологических исследований, а равно и в становлении психологии как самостоятельной научной дисциплины.

Но прежде чем перейти к данной теме, важно обратить внимание на крупные перемены в понимании человеческой природы, затронувшие всех образованных людей. Во второй половине XIX в. *человека и человечество стали понимать как неотделимую часть*

природы. Поэтому в настоящей главе анализируются дискуссии о месте человека в природе (если использовать формулировку, приобретающую известность благодаря вышедшей в 1863 г. книге Томаса Генри Гексли) — дискуссии, вызванные новыми идеями о ранней истории человечества, о расах, о соотношении психики и нервной системы [96]. Новые представления о природе человека стали важным элементом научной картины мира, культивировавшейся в университетах. В следующем разделе мы продолжим обсуждение этой темы, сосредоточившись на теории эволюции. Ведь только в этом контексте можно понять, почему в конце XIX в. стали так много говорить о новой науке — психологии.

2.2. ИДЕЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРЕДЫСТОРИИ

Характерное для мыслителей Просвещения стремление написать всеобщую историю человечества, интерес Романтизма к неповторимому характеру народной истории, наконец, проводимые в XIX в. исследования в области лингвистики и истории, — все это свидетельствовало о внимании к *проблеме происхождения человека*. Христианский миф в его буквальном библейском прочтении — миф о сотворении человека Богом и грехопадении — не пользовался больше влиянием. В поисках авторитетного знания люди предпочитали обращаться к историческим дисциплинам, ожидая от них не мифологического, а научного знания о наших корнях. Кроме собственно истории в XIX в. к историческим наукам относили археологию, теории возникновения языка и рас, теорию стадий интеллектуального, социального и экономического развития, науку об истории Земли — геологию, а также эволюционную биологию, занятую проблемой происхождения растений, животных и человека.

В начале XIX в. глубоким изменениям подверглась *идея времени*. Образованным людям пришлось привыкать к новой временной шкале: для истории Земли это миллионы лет, настоящая «глубь времен»; для истории самого человека — тысячи, возможно, и миллионы лет. Адам и Ева превратились в мифические фигуры. Перемены, о которых пойдет речь ниже, были связаны с доказательством древнего происхождения человечества. И это помогло психологам понять: сознание следует изучать как часть природы, а не как душу или дух, возвышающиеся над природой или по ту сторону от нее.

В реформированных университетах XIX в. филология и история были в числе главных дисциплин. Изучение языка, как и деятельности человека в прошлом, основывалось на письменных источниках. На протяжении первой половины столетия ученые занимались исследованием текстов, обнаруживаемых при рас-

копках, но результатом раскопок стало и открытие следов еще более ранней, дописьменной истории. Начавшиеся тогда же систематические геологические исследования позволили усовершенствовать методы установления подлинности обнаруживаемых объектов. Искусство идентификации образцов, будь то скальные породы или останки ископаемых животных, позволяло упорядочить их в соответствии с временной последовательностью. Это позволяло ощутить поступательный ход развития Земли, растительного и животного царств; тот же способ рассуждения, казавшийся очевидным, применили и к истории человека. В результате в 1850-е гг. возникла новая концепция преистории, что также знаменовало начало новой дисциплины — археологии. В то же время эти исследования открывают и новые возможности для приложения фантазии, создавая представление об огромной длительности человеческой истории, сравнимой с геологическими эрами, которые ученые открыли, изучая формирование скальных пород.

Истоки археологии и геологии лежат в деятельности коллекционеров и собирателей древностей, чье любопытство простиралось и на прошлое Земли, и на человеческую историю. Такие коллекционеры были уже в эпоху Возрождения: они проводили время в путешествиях, полевых исследованиях и составлении коллекций для частных кабинетов редкостей — предшественников публичных музеев, которые стали местом возникновения новых идей. Превратившись в университетскую дисциплину, археология сохранила свои связи с музеями и широкой публикой в такой степени, которая была бы немыслима для любой другой науки. Научные дискуссии о преистории были теснейшим образом связаны с интересом общества к происхождению народов.

Начиная с эпохи Возрождения, коллекционирование было модным, хотя подчас эксцентричным, увлечением богатых людей. Путешественники любовались сооружениями исчезнувшей Римской цивилизации; многие образованные люди мечтали о посещении Греции. В начале XIX в. некоторые из них действительно выезжали туда, по возвращении домой привозя с собой памятники материальной культуры эллинов, являвшие для этих путешественников эстетический идеал (как это сделал, например, лорд Элджин, привезший в Лондон фриз с Парфенона). Каменные стелы, курганы, легенды и саги Северной Европы стали излюбленными темами, приковавшими к себе воображение романтиков. Экспедиция французских ученых в Египет при Наполеоне, походы русских в Центральную Азию, общеевропейский интерес к Ближнему Востоку принесли с собой очевидные свидетельства существования древних цивилизаций за пределами Греции и Рима. В 1820-е гг. были расшифрованы египетские иероглифы, и это тем более усилило интерес к древнему миру.

Граница, отделявшая профессионалов от любителей, ученых от местных знатоков-коллекционеров, в археологии была особенно расплывчатой. Это хорошо видно на примере французского коллекционера Жака Буше де Перта (Jacques Boucher de Perthes, 1788—1868). В 1840-е гг. Буше, прибегнув к помощи рабочих и обещав им денежную награду, обнаружил среди галечных отложений реки Соммы (в г. Аббевилль на севере Франции) кремни, обработанные рукой человека. Подобные находки делались и раньше, но Буше впервые отметил точную глубину залегания кремневых изделий, что позволило сделать выводы как об их *огромной древности*, так и о *последовательности* сменявших друг друга типов изделий. Люди, занимавшие более высокое положение в науке и в обществе, поначалу скептически отнеслись к находкам Буше, но уже в течение следующего десятилетия они сами подтвердили местоположение обработанных кремней и выявили много других сходных фактов.

В других краях местные любители также нанимали рабочих для проведения раскопок, и обнаруженные ими данные оказались несовместимыми с авторитетом Библии. В Англии решающим шагом стали раскопки пещеры в Бриксхэме (Девон) в 1858 г. Проводившиеся под тщательным надзором специалистов работы позволили обнаружить изготовленные рукой человека изделия, залегавшие вместе с останками вымерших животных: покрытые резьбой рога, обработанные камни и кости саблезубого тигра. Фактов, свидетельствующих о точном возрасте доисторического человека, было мало, однако найденное в галечных отложениях позволяло предположить: древний человек жил в этих местах десятки тысяч лет назад, а возможно, как полагали некоторые, и значительно раньше. В написанном в 1859 г. отчете, излагавшем общие результаты раскопок в Аббевилле и Бриксхэме и предназначенном для Лондонского общества любителей древностей, говорилось, что «данная часть земного шара была заселена человеком в древнейший период, удаленный от нас более всех тех эпох, следы которых до сих пор были обнаружены» [цит. по: 155, с. 74]. Это, в свою очередь, породило интерес к исследованиям, проведенным еще в 1810-е гг. Датским национальным музеем древностей и его куратором Кристианом Томсеном (Christian J. Thomsen, 1788—1865). В них систематизировались данные, полученные при раскопках напластований хозяйственных отходов в древних поселениях Дании. Появление в 1849 г. английского перевода книги Ворсо «Древности Дании» («Danmarks oldtid oplyst ved Oldsager og Grauhøie», 1842) заставило многих поверить, что *ход развития доисторического человека, как правило, включал три последовательные стадии*. Йенс Ворсо (Jens J. A. Worsaae, 1821—1885) был учеником Томсена; следуя историческим воззрениям своего учителя, он описал три доисторические эпохи, назвав их каменным, бронзовым и

железным веком. От доисторической Европы, сделали вывод ученые, остались следы использовавшихся технологий, и эти следы отражают прогрессивное развитие.

Это далекое прошлое получило у английских авторов название предыстории, и термин этот позволял ухватить суть новой концепции происхождения человека. Очень важно, что доказательства существования древнего человека были найдены в Европе, ведь это заставляло европейцев согласиться с тем, что дикарь, примитивный «другой» может быть не только представителем далеких экзотических племен, но и их собственным предком. *Мы тоже*, поняли европейцы, *были когда-то первобытными людьми*. Тем самым распространилось мнение о том, что цивилизованные (в настоящее время) европейские народы через своих предков связаны с первобытной природой и первобытным разумом. В самом деле, слово «первобытный» стало общеупотребительным: «первобытный человек» соединил в себе образы дикаря, описанного европейскими путешественниками, и доисторического человека Европы, открытого археологами. Его стали представлять как исторически реального предка, который до сих пор в известной степени находится внутри цивилизованного человека. Эта мысль впоследствии породила важное направление в рамках психологического знания. Возникла еще одна современная наука — антропология, соединившая знания о дикарях, которые были накоплены европейцами в ходе контактов с другими народами, с идеей первобытности как отличительного признака доисторического человека. Вместе с эволюционной теорией Дарвина и археологией антропология смогла создать убедительное историческое повествование о поступательном развитии жизни — от примитивных форм к цивилизованному человеческому обществу.

Тогда же, в 1850-е гг., собирателям древностей удалось обнаружить в меловой пещере в долине реки Неандер (близ Дюссельдорфа, Германия), а также в галечных отложениях реки Маас в Бельгии скелетные останки человека, которые, подобно найденным ранее кремневым изделиям, отличались огромной древностью. Люди, которым принадлежали эти останки, были названы неандертальцами, и это был первый ископаемый человек, ставший известным науке. Аналогичные находки были сделаны позднее в г. Энджис. Но о «недостающем звене» — непосредственном предке *Homo sapiens* — данных не было. Претендент на эту роль появился лишь в 1890-е гг., когда одному исследователю удалось описать так называемого «яванского человека» (*Pithecanthropus*). (То, что «яванского человека» следует считать «недостающим звеном», позднее также подвергалось сомнению.) В одном отношении неандерталец был абсолютно поразителен. Емкость черепа, а значит, размеры мозга у него были сравнимы с теми же показате-

лями у современного человека. Это было настоящей загадкой: согласно господствовавшему мнению, емкость черепа была мерой умственных способностей. Поэтому полученные данные свидетельствовали о том, что этот древнейший человек должен был обладать не меньшими способностями, чем современный профессор. Загадка стала еще менее разрешимой после того, как в 1868 г. в департаменте Дордонь во Франции были найдены древние костные останки, явно принадлежавшие человеку современного типа. Согласно заключению ведущих французских анатомов Поля Брока (Paul P. Broca, 1824—1880) и Армана де Катрфажа (Armand de Quatrefages, 1810—1892), высокие люди с тонкими чертами лица жили на этом месте и в доисторические времена. Неслучайно в широко известном обзоре по анатомии обезьян и человека (как древнего, так и современного) под названием «Свидетельства о месте человека в природе» (1863) Томас Генри Гексли (Thomas Henry Huxley, 1825—1895) отметил: корни человечества уходят в намного более давнее прошлое, чем думали до сих пор.

2.3. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Знания о древних людях, а также о прошлом культуры и цивилизации были тесно связаны с представлениями о различиях между отдельными людьми и их группами. Одним из самых важных убеждений эпохи Просвещения было убеждение в универсальности человеческой природы. В то же время европейцы ясно отдавали себе отчет в существовании различий между мужчинами и женщинами, цивилизованными людьми и дикарями, детьми и взрослыми, землевладельцами и крепостными и т.д. Причины многообразия авторы XVIII в. связывали главным образом с различиями в опыте и физических условиях жизни. Общность человеческой природы подчеркивалась — если не на практике, то хотя бы в теории — и христианством; и здесь религиозные и светские авторы находили общий язык. Локк описал, как знание отдельной личности формируется из опыта, а Монтескье — как социальный опыт определяет политическое и юридическое устройство различных обществ. В то же время существовал и большой интерес к различиям: так, Дидро с большим удовольствием писал о таитянах — правда, не настоящих, а выдуманных. Он хотел доказать, что, предаваясь свободной любви, эти люди были счастливее, чем европейцы, которым из-за узости взглядов приходилось подавлять свои желания. В целом для авторов XVIII в. было характерно *рассматривать различия не как фундаментальную данность, а как нечто, требующее объяснения.* В противоположность этому для многих авторов XIX—XX вв. *различия как раз и были основополагающей данностью и отправной точкой в объяснении социальной жизни.*

Вопрос о том, почему люди не похожи друг на друга и чем именно они различаются, был и остается одной из главных тем нашего повседневного общения. Язык описания характера и внешности, которым люди пользуются в обычной жизни, всегда отличался богатством и разнообразием. На него повлияли и античные представления о жизненных соках и физиогномике, и возникшие в эпоху раннего христианства понятия святости и порока. Портретная живопись, мемуары, а также возникший в XVIII в. жанр романа также значительно обогатили этот язык. Правовая и образовательная системы, в свою очередь, признавали различия в человеческих способностях. Но в начале XIX в. для описания индивидуальных различий впервые стали использовать терминологию, связывающую их с анатомической организацией тела. Этим ученые хотели сказать, что в попытках приспособиться к различиям между людьми общество должно основываться не на житейской мудрости, а на науке. В XX в. такой наукой об индивидуальных различиях стала психология (см. главу 5).

Переход от обыденных представлений о различиях к естественно-научным хорошо заметен на примере френологии, которая в первой половине XIX в. представляла собой очень заметное явление. Позднее ученые отвергли френологию как лженауку, созданную чудаками, зато ею заинтересовались историки. В 1810—1819 гг. анатом **Франц (или Франсуа) Галль (Franz J. Gall, 1758—1828)** с помощью Иоганна Шпурцхайма (Johann G. Spurzheim, 1776—1832) выпустил четыре тома своих сочинений (вместе с атласом таблиц) под общим названием «Анатомия и физиология нервной системы... с наблюдениями о возможности определения многих интеллектуальных и моральных наклонностей людей и животных по форме их голов» (*Anatomie et physiologie du système nerveux... avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l'homme et des animaux, par la configuration de leurs têtes*). Это руководство стало важным вкладом в анатомическое изучение мозга. Своими многочисленными кропотливыми наблюдениями Галль намеревался доказать, что различные части мозга служат обиталищем разных умственных способностей. Размеры той или иной части, считал он, отражают силу конкретной способности, а значит по форме черепа можно судить о характере индивида.

Происхождение своих теорий Галль связывал с наблюдением, которое сделал, когда еще учился в школе: его товарищи с хорошей памятью отличались глазами навыкате. Как позднее заключил Галль, глаза выдавались вперед из-за давления лежащих за ними частей мозга, которые якобы были сильно развиты у тех, кто отличался хорошей памятью. Галль разработал физиогномический язык, с которым хорошо знакомы художники и скульпторы и который частично вошел в повседневный обиход (достаточ-

но, например, вспомнить выражение «яйцеголовые»). Сам Галль на основании сохранившихся бюстов исторических личностей давал им психологическую характеристику. Он занимался также сравнительной анатомией, собирая настоящие черепа и их слепки (всего более шестисот штук, ныне хранящиеся в Музее человека — Musée de l'Homme — в Париже) и рассматривая их как исходный эмпирический материал для изучения человеческого характера. Намерение Галля «заложить основания доктрины о функциях мозга» предвосхищало развитие науки; эту «доктрину» он рассматривал как отправной пункт для «точного знания о человеческой природе» [цит. по: 171, с. 12]. В то же время столь доступной и привлекательной для публики его работу сделали именно рассуждения об индивидуальных различиях. Френология придала разговорам об отличительных особенностях характера вид объективности и научности.

Бывший сотрудник Галля Шпурцхайм совершил в 1820-е гг. продолжительные поездки по Англии и Соединенным Штатам, отстаивая свой подход к френологии. А его последователи сделали ее руководством к действию, в частности выбирая таким образом для ребенка образование и будущую профессию. Знание сильных и слабых сторон индивида, доказывали сторонники френологии, необходимо для формирования характера, включая работу над собой. Джордж Комб (George Combe, 1788—1858) донес это убеждение до слушателей популярных лекций и посетителей библиотек в английской провинции. Принц Альберт и королева Виктория сделали детскую в своем дворце местом краниологических измерений (от «кранио» — череп). Все это заставляло думать, что человеческая природа имеет материальное воплощение в частях тела — мозге и черепе — и, таким образом, может быть измерена и изучена с помощью естественных наук. Френология была в своем роде технологией человеческой природы.

Галль полагал, что характер определяется двадцатью семью базовыми способностями, которые имеются у человека от рождения. Образование, по его мнению, хотя и играет известную роль, едва ли способно повлиять на данные от природы свойства — сильные и слабые стороны характера индивида. Шпурцхайм и другие популяризаторы френологии придерживались более оптимистических и эгалитарных взглядов, считая, что упражняя способности, мы можем направлять и усиливать их развитие. Будучи наукой о природе человека, френология, по их мнению, может быть использована как средство самосовершенствования. Разногласия среди френологов отражали расхождения в общественном мнении относительно причин, по которым различаются достижения конкретных индивидов: одни считали таковыми врожденные дарования, другие ставили на первое место воспитание. Описание индивидуальных и типологических различий становится важным

приемом эмпирического естествознания XIX в. и аргументом в пользу того, что различия неустранимы и заложены в самой основе физического существования человека. Поэтому Галля недвусмысленно обвиняли в детерминизме, хотя популярная френология пропагандировала ценности свободы и самоусовершенствования. Однако в других сферах житейские представления исходили именно из детерминизма: в повседневной жизни успех связывали с характером индивида, внешность ребенка — с внешностью его родителей, а любого рода неравенство трактовали как естественное состояние человека.

Язык индивидуальных различий плавно переходил в язык групповых различий. Так, френологи считали, что у мужчин и у женщин разное соотношение способностей. Возникшая в XIX в. антропология связала групповые различия с типами человеческого тела. Изобразив индивидуальные различия природным явлением, ученые превратили житейские представления о них в подобие эмпирической науки. Но какой бы убедительной не представлялась эта идея отдельным ученым, все же она вызывала много сомнений и ни в XIX в., ни позднее так и не завоевала полного и всеобщего признания.

2.4. ЭТНОЛОГИЯ И РАСЫ

В XVIII в. считалось, что природа человека универсальна — общая для всех людей. Но в конце XIX в. появилась противоречащая этому *идея расы*. И в научном сообществе, и среди широкой публики стали все громче раздаваться голоса тех, кто *видел в биологическом понятии расы средство описания различий между людьми*, якобы столь же очевидных и непреложных, как естественно-научные факты. Смена взглядов была в значительной степени продиктована стремлением создать естественную науку о человеческой природе, подобную физике. В более широком контексте идея расы как средства классификации людей получила распространение из-за существующего в Европе, США, Японии взгляда на мир как на арену противоборства (зачастую военного) и площадку для создания колониальных империй. Подчеркивание различий служило также элементом стратегии, призванной сдерживать требования рабочих, женщин, национальных меньшинств, рабов, т.е. групп, борющихся за эмансипацию.

В XVIII в. были проведены важные исследования различных групп людей — можно привести в пример «Естественную историю» Бюффона. Много споров вызывал вопрос о том, где провести границу между животным и человеком. Гердер призывал к созданию «физико-географической истории возникновения человеческого рода с его различными ответвлениями в соответствии с периода-

ми развития и климатом» [7, с. 25]. Многие авторы употребляли слово «раса», не приписывая ему того определенного значения, которое закрепилось за ним позднее. Как «нация» или «человеческий род», «раса» обозначала группу людей. В начале XIX в. историческое и сравнительное изучение языков подтолкнуло к исследованию общего происхождения и связи разных народов и наций. Затем археология провела параллель между древними европейцами и дикарями с помощью понятия первобытности. Но лишь физическая антропология — сравнительная анатомия разных групп людей — стала притязать на эмпирическое, научное обоснование различий между ними. Только анатомия, заявляли работавшие в этой области специалисты, могла превратить изучение различий между людьми в науку. Так на первое место в исследованиях вышла идея разделения человечества на типы, категории, или расы.

Сравнением человеческих типов с помощью анализа анатомических различий — в особенности в строении черепа — стали заниматься систематически в конце XVIII в. под влиянием работ Иоганна Блюменбаха (Johann F. Blumenbach, 1752 — 1840). На протяжении первой половины XIX в. эта область анатомических исследований все больше расширялась: свой вклад внесли Галль и другие френологи. Это сопровождалось растущим интересом к этнологии — сравнительному исследованию различий между людьми на основе изучения их культур. Развитие этой науки было связано с созданием колониальных империй и попытками европейских миссионеров обратить в христианство язычников. Главная проблема заключалась в том, чтобы на основе исследований физических различий между людьми, с одной стороны, и культурных — с другой, создать целостную единую науку. Подобная попытка была, в частности, предпринята английским врачом **Джеймсом Причардом (James C. Prichard, 1786 — 1848)**. В свободное от медицинской практики время Причард написал и выпустил в свет «Исследования по физической истории человека» (1813); в последующих изданиях эта книга стала основным трудом по этой проблематике на английском языке. Следуя своему главному источнику, Блюменбаху, Причард дал обзор разнообразных анатомических типов человека. Но в то же время, в соответствии с христианскими убеждениями, он отстаивал принцип единства человеческого рода. Он также обсуждал проблему различия языков и культур. Поскольку мысль его двигалась в разных направлениях, единой и целостной картины Причарду создать не удалось.

Описывая историю человека и пытаясь объяснить причины разнообразия, Причард черпал идеи и конкретные примеры из сочинений путешественников, античных авторов, натуралистов, анатомов, библейских историков, любителей древности. Он использовал исторические наблюдения, чтобы показать, как разли-

чия возникают под воздействием времени, климата, обычаев и рассеяния народов. Первобытное состояние характеризуется, как полагал Причард, общей для всех народов «грубостью и нецивилизованностью»; цивилизованные же народы возникли в результате «эволюции белых разновидностей из черных рас человека», происходившей под влиянием климата [130, с. 233, 236]. Причард, выросший в семье бристольских квакеров, с самых ранних лет был сторонником отмены рабства, а в своих этнологических сочинениях придерживался представления о преемственности и отсутствии резких границ между белой и черной расами. У него были также способности к языкам: рассказывают, что в детстве, встречая иностранных моряков в бристольском порту, он буквально ошеломлял их приветствием на их родном языке. В своей книге, особенно во втором ее издании (1826), Причард использовал лингвистические исследования немецких ученых для установления взаимосвязей между народами. Согласно Причарду, все люди имеют общее происхождение; раса для него — лишь набор признаков, определяемых климатом, а вовсе не жестко зафиксированное качественное отличие. Его употребление слова «первобытный» имеет в виду скорее близость человека Адаму, нежели родство с обезьянами. Однако в третьем издании «Исследований» (1836—1847) ответ на вопрос о происхождении различных типов человека звучит уже менее определенно: свое убеждение в единстве человеческого рода Причарду приходилось отстаивать на фоне растущего влияния оппонентов, придававших большое значение расовым различиям.

Примерно в это же время этнологические общества возникают в Англии (1843), Франции (1839) и США (1842); их главная задача — систематизация исторических, географических, лингвистических и анатомических данных, свидетельствующих о человеческом разнообразии. Приблизительно тогда же господствующим становится представление о том, что разница в физических характеристиках отражает фундаментальные различия между расами как типами человека. Некоторые сторонники этого взгляда заходят столь далеко, что защищают идею независимого происхождения человеческих рас. Это воззрение, известное как *полигенизм*, противостоит моногенистским убеждениям, представленным в сочинениях Причарда. В сравнительных исследованиях происходит смещение акцентов от этнологии к анатомическим измерениям. Стремясь поддержать новую науку — физическую антропологию, Брокка основывает в 1859 г. в Париже Антропологическое общество (Société d'Anthropologie). Его труды посвящены краниологическим измерениям, и он четко формулирует общий принцип, лежащий в основе тогдашнего интереса к измерению черепов: «В целом мозг достигает больших размеров у зрелых людей, чем у пожилых, у мужчин он больше, чем у женщин, у выдающихся мужчин боль-

ше, чем у мужчин посредственных способностей, а у высших рас больше, чем у низших... При прочих равных условиях существует примечательная связь между степенью развития умственных способностей и объемом мозга» [цит. по: 153, с. 269]. Сходным образом в Англии анатом Джеймс Хант (James Hunt, 1833—1869) — непримиримый противник идеи всеобщего равенства — увлек за собой ряд членов Этнологического общества, организовав в 1862—1863 гг. Лондонское антропологическое общество. Он и его последователи считали: вместо того чтобы полагаться на умозрительные исследования истории языков и рассказы путешественников, для объективного изучения различий между людьми следует использовать методы физической анатомии.

Еще до создания антропологических обществ на английском языке вышли две важные книги; впоследствии они заслужили печальную славу, поскольку центральное место в понимании человеческой истории отводили идее расы. Первая из этих книг — «Человеческие расы: философское исследование влияния расы на судьбы народов» (*The Races of Man: A Philosophical Enquiry into the Influence of Race over the Destiny of Nations*, 1850) — была написана шотландцем Ноксом, вторая — «Типы человечества, или этнологические исследования, основанные на древних памятниках, картинах, изваяниях, черепаках и расах» (*Types of Mankind: Or, Ethnological Researches Based upon the Ancient Monuments, Paintings, Sculptures, and Crania and Races*, 1854) — вышла из-под пера американских авторов Нотта и Глиддона. Роберт Нокс (Robert Knox, 1791—1862) утверждал, что возможности человеческих действий ограничены расовой принадлежностью: «в человеческой истории раса — это все» [цит. по: 155, с. 64]. Так, по его мнению, хотя белые расы и покоряют черные, физическая природа белых, столь отличная от природы черных, будет всегда препятствовать их акклиматизации в тропиках.

Полигенизм — убеждение в независимом происхождении рас — был особенно силен в Соединенных Штатах, где стремительный прогресс белых составлял разительный контраст с рабством негров и, в не меньшей степени, с разрушением туземной культуры и уничтожением аборигенов. Сэмюэл Мортон (Samuel G. Morton, 1799—1851) — палеонтолог, оставивший беспозвоночных животных ради исследования человеческих черепов, — посвятил себя популяризации представлений о том, что ключ к пониманию расы следует искать в анатомическом строении тела. В Филадельфии он собрал огромную коллекцию черепов, создал методику точных краниологических измерений, подчеркивая ее принципиальную важность для характеристики рас. Он был близким товарищем френолога Комба, хотя и не относился к сторонникам этой науки. Впоследствии его дело продолжили Джозайя Нотт (Josiah Nott, 1804—1873), хирург из Алабамы, и Джордж Глиддон (George

R. Gliddon, 1809—1857), американский вице-консул в Египте; отстаивая полигенизм и идею физической детерминации человеческой природы, Нотт и Глиддон перешли к прямой полемике со Священным Писанием. Нотт отмечал: «Есть род «человек», который включает в себя два или более вида, и никакие причины не в состоянии превратить белого человека в негра» [цит. по: 152, с. 69]. Принадлежавшие Нотту и Глиддону и включенные в их книгу гравюры расовых типов человека были чудовищно искаженными и стали для последующих поколений своеобразным памятником — свидетельством того, как предрассудки могут быть выданы за наблюдения. Они разделяли убеждение Нокса, что анатомические, расовые признаки определяют все остальное, и что сравнительная анатомия принесет для познания человеческой природы неоспоримые основополагающие факты. Защищая рабство, Нотт и Глиддон выдавали его за естественное состояние — отражение тех отношений, что существуют и должны существовать между высшими и низшими человеческими видами. Их точка зрения была крайностью, хотя и не представляла собой что-то необычное для своего времени: не следует забывать, что проблема рабства стала одной из причин Гражданской войны в Америке.

Некоторые не столь самоуверенные ученые хотели доказать научный статус своих исследований. Для определения размеров черепов они использовали сложные инструменты — кронциркули, или краниометры, а для сравнения объема черепов заполняли их свинцовой дробью и взвешивали на весах. Стремясь обосновать свои выводы, шведский анатом Андерс Ретциус (Anders Retzius, 1796—1860) создал объяснительную схему на основе измерения **черепного индекса** — отношения между расстояниями от крайней левой до крайней правой точки черепа и от передней точки до задней. Он полагал, что первоначальными жителями Европы были «круглоголовые» народы — такие, как саамы и баски, — почти повсеместно вытесненные «длинноголовыми». Исследователи по большей части исходили из грубого допущения о том, что умственные способности непосредственно зависят от объема мозга. Тем самым анатомия была лишь прикрытием для предрассудков, приписывавших различным народам, а также мужчинам и женщинам неравные способности и неодинаковую роль в прогрессе человечества. Под влиянием идей Брока французский антрополог Поль Топинар (Paul Topinard, 1830—1911) писал: «у взрослой женщины очертания черепа являются промежуточными между черепом ребенка и взрослого мужчины; черты эти мягче, отличаются большей тонкостью и изяществом... темя поднято выше и более плоское; вес мозга и емкость черепа меньше» [цит. по: 134, с. 54]. Тем самым ходячие мнения о женской природе приобретали вид фактов — фактов о мозге и черепе.